

Наши там (Центрполиграф)

Михаил Михеев

**Адмирал
галактической империи**

«Центрполиграф»

2012

Михеев М. А.

Адмирал галактической империи / М. А. Михеев —
«Центрполиграф», 2012 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-03844-9

Когда дилетант второй раз выживает там, где выжить невозможно, он на многое начинает смотреть иначе, но вновь готов выполнить взятую на себя миссию... Корабли возрождаемой империи продолжают бороздить просторы космоса, поднимая свой флаг над планетами, которые были обречены сепаратистами на хаос и вымирание. Судьба галактики зависит от того, какое решение примет наш соотечественник, назвавший себя адмиралом...

ISBN 978-5-227-03844-9

© Михеев М. А., 2012
© Центрполиграф, 2012

Содержание

Часть первая. Осколки великой империи	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Михеев

Адмирал галактической империи

Часть первая. Осколки великой империи

Глава 1

Ковалёв, как обычно, проснулся от боли. Точнее, как практически всегда в последние два месяца. Самое смешное, не было никакой боли – ну не может организм, только-только приведённый в порядок в регенераторе, болеть. Не может – и всё тут, это аксиома, даже микробы к нему не липнут, настолько активна иммунная система. И ведь это – правило для обычного человека, а организм супера, от природы или, скорее, от своих прапрапрародителей в лице военно-медицинских гениев Первой империи, обладающий на порядок большей устойчивостью к любому внешнему воздействию, вообще практически неуязвим. Это в теории. А в реальности этот самый организм всё помнит...

Организм помнит и обжигающую боль заживо сгорающего тела, и мутную пустоту вакуума, медленно накачивающуюся, когда раскалённый воздух уходил из разрушенного нутра корабля, окутывая его облаком ледяных кристалликов. Помнит, даже если сознание в этот момент отсутствует как понятие. Наверное, милосерднее было бы просто умереть, Ковалёв тогда, ещё только выходя со своего корабля, уже считал себя мёртвым, но – не спрслось. Спасла, как ни странно, дурацкая конструкция вражеского корабля, точнее, ослабленный корпус в месте, где были расположены причалы. Ну и ещё его неожиданно эффективные зенитки, сумевшие-таки перехватить имперские торпеды.

Трудно сказать, что было причиной того, что торпеды не достигли цели, – то ли банальное везение, то ли просто запредельное количество зенитных орудий, буквально завесивших всё пространство на подходе к кораблю частой сеткой огненных трасс. А может, торпеды просто были выпущены со слишком малой дистанции и не успели задействовать системы прорыва, а потому вместо череды противозенитных манёвров пошли к цели по наикратчайшей траектории. В принципе возможно что угодно, но важен результат, а результат был нестандартным. Обе торпеды были поражены зенитным огнём, но одна из них оказалась, вопервых, не уничтожена, а лишь потеряла двигатели и отклонилась от курса, и потому умная автоматика задействовала систему самоподрыва, когда торпеда проходила на минимальном расстоянии от цели. Во-вторых, это расстояние не превышало двух километров, что по космическим меркам совсем немного.

В отличие от банальных ядерных зарядов, столь популярных на старушке Земле, начинка имперской торпеды обеспечивала многофакторное воздействие, и одним из факторов была гравитационная волна, способная взламывать практически любую броню. Такая многофакторность делала торпеду эффективной при борьбе с военными кораблями – избыточно массивными, построенными прочно и обвешанными бронёй и силовыми полями, но сейчас она сыграла чуть-чуть иначе, чем планировалось её создателями.

Гравитационный удар, опередив, как и задумывалось создателями, все остальные воздействия, отшвырнул корабль в сторону и буквально сложил его пополам – корпус не выдержал удара и переломился точно по линии, на которой располагались причалы. Всё это заняло доли секунды, и все, кто находился на корабле, погибли мгновенно – перегрузки оказались смертельны для их организмов. Всех, кроме супера, который, как ни странно, выдержал, хотя сознание вылетело из головы, как птичка из клетки, а кости, хоть и были отменно

прочны, разлетелись практически в пыль. Потом корабль поглотило облако раскалённой плазмы, которое, хотя и было ослаблено расстоянием, выжгло всё, до чего смогло дотянуться, однако оказавшаяся практически в центре сыгравшего роль своеобразного щита хаотического нагромождения обломков металла и пластика каюта, в которой находился Ковалев, пострадала незначительно. Хотя как сказать – незначительно... В общем, в том обгоревшем куске протоплазмы, который спустя два часа извлекли из-под обломков, жив был только мозг, да и то лишь потому, что, как оказалось, в организме супера был и генетический механизм, при критических травмах загоняющий хозяина в жиденькое подобие анабиоза. Не очень эффективное действие, но всё равно лучше, чем ничего. Во всяком случае, это состояние позволяло не умереть сразу и давало призрачный шанс дождаться помощи. На сей раз этот шанс пригодился.

Вот так и оказался адмирал Ковалёв по гроб жизни обязан раздолбаю Синицыну, который, наплевав и на устав, и на прямой приказ, фактически угнал собственный корабль и в режиме максимальной маскировки следовал за «Мечтой» на почтительном расстоянии. А когда засёк взрыв, на всех парах ринулся к месту боя и успел вытащить адмирала, точнее, то, что от него осталось, из обломков корабля буквально за считанные минуты до того, как стало бы совсем поздно.

Регенератор на эсминце был, но слабенький – с простыми случаями вроде оторванной ноги он, может, ещё и справился бы, но тут был бессилён. К счастью, аппаратура позволила погрузить Ковалёва в искусственный анабиоз – теперь уже глубокий, с возможностью даже в таком состоянии жить как минимум несколько месяцев. Хотя месяцы не понадобились – форсируя двигатели, эсминец добрался до базы всего за несколько часов. Ну а там уж Ковалёвым занялись по полной программе. Шерр лично запихнул адмирала в регенератор линкора и сам контролировал все режимы. Впрочем, потребовался разве что только контроль – автоматика справилась даже со столь сложным случаем, – воистину создававшие её люди были гениями своего дела.

Ковалёва лечили месяц. За это время ему фактически вырастили новое тело взамен сгоревшего, восстановили нервные окончания, выдавленные гравитационным ударом глаза... И всё равно адмирал почти каждую ночь просыпался от боли, весь в поту, часто с диким криком. Редкую ночь к нему не приходил дед Кошмар. Шерр говорил, что это фантомные боли, порождённые разумом адмирала и его памятью, что это скоро пройдёт. Ковалев верил ему и согласно кивал, но пока что фантомные боли ничуть не уступали по силе реальным и превращали жизнь адмирала в сплошную пытку, от которой не спасали никакие лекарства. Ковалёв до полусмерти изматывал себя работой, жрал снотворное пачками, но всё это помогало мало. Оставалось только ждать, пока это не пройдет само собой.

Адмирал стиснул зубы и удержал вопль в лёгких. Боль медленно уходила, оставляя неприятное ноющее ощущение. Впрочем, с этим можно было мириться. Главное – не кричал.

Ковалёв скосил глаза. Дайяна спокойно спала, разметавшись во сне и тихо посапывая. Адмирал невольно улыбнулся – на сей раз он не потревожил её сон, хотя до этого в подобных ситуациях не раз и не два видел её испуганные глаза. Но сегодня повезло – пускай спит. Он невольно задержал взгляд, ему нравилось смотреть на неё спящую – в такие минуты она казалась особенно беззащитной. И не поверишь, что у девочки характер не железный – стальной.

Дайяна перебралась к нему в каюту в тот же день, как адмирала выписали из госпиталя. Никого не спросила, просто поставила всех, включая самого Ковалёва, перед фактом. Пожалуй, Ковалёв был тогда единственным, кто возмутился самоуправством, остальные восприняли такое положение вещей как должное. Даже Шерр лишь вздохнул печально, но ни слова не сказал – очевидно, считал, что право на женщину, завоёванное кровью, не оспоришь. Сам

Ковалёв тогда, правда, офигел, но что поделаешь, связался с сильной женщиной – будь готов принимать все прелести её характера. Пришлось смириться.

Хотя, конечно, плюсов было больше, чем минусов – например, Дайяна смогла навести в апартаментах Ковалёва относительный порядок. Относительный потому, что самый большой бардак у Ковалёва был на его рабочем столе, а как раз к нему адмирал не допускал никого. В этом бардаке он отлично знал, где и что лежит, поэтому не хотел потерять половину документов только из-за того, что кто-то разложит бумаги аккуратными стопочками.

Наконец адмирал окончательно пришёл в себя. Ещё раз оглянувшись на Дайяну и осторожно, чтобы не потревожить её, встал – спать уже совершенно не хотелось, и по печальному опыту он знал, что после приступа заснуть не сможет. С усилием выпрямился – разгоняя кровь и заставляя двигаться сведённые судорогой мышцы. Тихонько, на цыпочках, вышел из спальни, ловко (сказывался богатый опыт ещё той, прошлой жизни) подхватив левой рукой одежду, и, лишь закрыв за собой дверь, позволил себе глухо закашляться – ещё одна реакция на боль, и тоже неприятная.

Быстро ополоснувшись под душем и прогнав струями ледяной воды остатки ломки, натянув брюки и тельняшку, Ковалёв босиком, оставляя за собой мокрые следы, прошлёпал в малый кабинет. Не в тот, где принимал посетителей, а в тот, куда был закрыт доступ для всех (ну, в последнее время почти для всех) и где он любил работать, уединившись и зная, что его не побеспокоят. Плюхнулся в глубокое мягкое кресло, включил компьютер. На экране засветилась незамысловатая картинка-заставка, и адмирал в очередной раз удивился схожести человеческого мышления. Казалось бы, другая эпоха, другие люди, другая техника и программные комплексы, а точно так же, как на незабвенной винде, производитель навязчиво рекламирует себя, любимого, и теми же методами вдобавок. Ещё одно доказательство старой истины, что «у дураков мысли схожие».

Компьютер загрузился и сразу же требовательно замигал – пришла куча сообщений. Раньше компьютер ещё и популярно вслух объяснял, что пришло, – на русском, с заметным акцентом. Ковалёв, когда настроил его на русский язык, был весьма удивлён, но потом, малость поинтересовавшись вопросом, выяснил, что это совершенно нормальная ситуация – если машину сначала настраивали разговаривать на одном языке, а потом обучили и второму, то на этом втором она будет разговаривать с акцентом от первого. Вначале это забавляло, но вскоре приелось, и адмирал отключил звуковой интерфейс.

Ковалёв быстро пробежался по сообщениям – обычная волокита. Срочного ничего, в основном копии донесений, ушедших по инстанциям, – ну вот как вбили в людей порядок, что Самому Главному положено копию посылать, так они и посылают, даже не думая, что адмиралу эта информация может быть и не нужна, что есть люди, которые этими конкретными вопросами занимаются и сами способны справиться с текучкой. Вот и завалена теперь адмиральская почта всяким хламом. Впрочем, надо признать, иногда среди мусора находится и что-то стоящее, но найти его в этой куче непонятно чего бывает достаточно сложно. Быстро пробежав глазами по списку, Ковалёв сбросил практически всю информацию в архив – так, на всякий случай. Всё равно текучка... Ну и доносы ещё. Местные чиновники стучать друг на друга обожали.

Адмирал потёр виски и задумался. Поток информации всё более возматывал, пора было начинать думать о серьёзном штабе, с аналитиками и прочей полагающейся по штату братией. Его товарищи, фактически занимающиеся сейчас штабной работой, уже не справлялись – во-первых, они не имели серьёзного опыта, а во-вторых, их было слишком мало. Сейчас же поток информации вырос лавинообразно, и произошло это как раз в тот момент, когда адмирал отлёживался в уютном регенераторе.

Столь быстрый рост информационного потока имел вполне логичное и очень простое объяснение – резко выросли размеры контролируемой имперцами территории. И произошло

это как раз благодаря столь плачевному состоянию Ковалёва, точнее, тому, что в его лице эскадра фактически лишилась управляющего центра, и, когда подоспел Шурманов и перехватил командование, было уже поздно – карусель закрутилась.

Всё-таки пси-блокировка очень сильно сужает мышление, даже ослабленный вариант, который применялся в последнее время. Фактически то, что произошло с командиром, вызвало у остальных вполне закономерную реакцию нападения. В результате земляне пошли в атаку, не подготовившись и даже не пытаясь обдумать последствия. Закономерно, именно на это пси-блокировка и провоцирует, но от этого не легче. А самое паршивое, что никто, ни Шерр, ни та же Дайяна, даже не пытались что-либо изменить. Результат не замедлил сказаться.

Чисто технически всё было в ажуре. Республика Белых звёзд перестала существовать менее чем за трое суток – именно столько времени потребовалось имперским кораблям, чтобы добраться до её планет. Руководство республиканцев подготовилось к обороне очень прилично, у всех планет висели орбитальные крепости, в системах располагались довольно мощные эскадры, оснащённые по последнему слову тамошней, деградировавшей со времён империи техники. Это государство было богатым и сильным, оно могло позволить себе не экономить на вооружении, но, как оказалось, всё это были пустые хлопоты.

Имперская эскадра пришла не воевать – она пришла убивать, и с этой своей задачей справилась отлично. Оставшиеся без твердой руки капитаны кораблей действовали так, как считали нужным, и больше всего это было похоже на стаю акул, атакующих жертву. Эффективность атаки была соответствующая.

Первой под раздачу попала столичная планета. Попала – это значит попала. Имперцам не было нужды аккуратно, пытаясь не зацепить обитаемый мир, вести бой с орбитальными крепостями, шкурку за шкуркой снимая слои планетарной обороны. Вместо классического штурма два линкора и монитор, даже не входя в систему, заняли позиции и просто открыли огонь главным калибром с большой дистанции. Естественно, о высокой точности говорить не приходилось, да никто и не старался целиться очень уж аккуратно. Словом, через пару часов неспешного обстрела атмосфера планеты превратилась в одно сплошное облако плазмы, и обугленный безжизненный шарик тихо поплыл дальше по своей незамысловатой орбите.

Местная пародия на флот, разумеется, попыталась вмешаться. Результат оказался вполне предсказуем – республиканские корабли расстреляли ещё на подходе, а несколько выпущенных с предельной дистанции торпед не смогли даже приблизиться к имперским линкорам. Однако в храбрости республиканским военным отказать было трудно – в бой шли до конца и бежать не пытались, даже когда всем стало ясно, сколь бессмысленна эта попытка.

А вот уйти кто-то пытался – скоростной (х-ха, расскажите ещё анекдот!) курьерский корабль рванул из системы, как заяц, у которого поджарили пятки. И ещё несколько кораблей разных классов, от яхт до грузовых судов, тоже попытались прорваться. Угу. Имперские корабли своими радарными контролировали всё пространство в системе. Корабли, пытающиеся прорваться с гибнущей планеты, расстреливали раньше, чем они успевали набрать скорость. Словом, провели тотальную зачистку.

А потом эскадра отправилась ко второй планете, к третьей...

Крейсеры и эсминцы тем временем глушили всё живое вокруг – перехватывали грузовые и пассажирские корабли, перетряхивали пассажиров и ставили к стенке граждан обречённой республики. Возможно, это было избыточно жестоко, и создавалось впечатление, что у имперцев просто сорвало крышу. Тем не менее такая тактика принесла определённый результат.

Для начала две республиканские планеты были не уничтожены, а захвачены. Благодаря их жители должны были Шурманова, который подоспел к месту событий и, с ходу пере-

хватив командование, сумел обуздать разъярённых людей. Правда, потом он признавался, что, если бы со стороны республиканцев прозвучал хоть один выстрел, он бы не смог остановить подчинённых – тогда участь планет была бы решена. Однако страх – великое дело. Никто не осмелился даже рот открыть, не то что схватиться за оружие. В результате две планеты, сдавшиеся без боя, уцелели, хотя позже, возможно, их жители пожалели об этом.

Шурманов поступил тогда в классических традициях Византийской империи – поставил на планеты гарнизоны с территорий, жители которых не имели к местным никакого отношения. Правда, он творчески развил этот подход – солдаты этих гарнизонов были набраны с планет, пострадавших от действий иных рас. И перед тем, как их отправили в места новой дислокации, до сведения солдат довели, что те, кого они отправляются охранять, снюхались с чужими. Результат был закономерен – мало того, что солдаты жестко контролировали планеты, они ещё и безо всяких моральных терзаний исполняли при нужде функции зондеркоманд. Что же, политика «разделяй и властвуй» стара как мир и столь же эффективна. Да и за новые территории теперь можно было быть спокойными.

Однако это оказалось лишь первым этапом развития ситуации. Вторым никем не запланированным этапом стало то, что устрашённые мощью имперского флота и его решительностью соседи уничтоженной республики начали активно проситься под крыло имперцев. Вроде бы этого и хотели добиться Ковалёв с Дайяной, отправляясь на опасные переговоры, но всё же чуть-чуть иначе. Мало того, что добровольное присоединение и присоединение, основанное только на страхе, – разные вещи, так ещё и получили под боком центр сепаратизма, ибо слишком много было среди вновь присоединившихся горячих голов, не желающих иметь с империей ничего общего. Конечно, по сравнению с основной массой населения их было не столь уж и много, а с учётом планируемых реформ и вполне ожидаемым улучшением уровня жизни через поколение они должны были и вовсе уйти в историю, но пока что они были проблемой. Ничего, кстати, удивительного – реальное влияние на ход любого процесса в обществе оказывает не желание большинства, как принято считать, а действия наиболее активной части населения, пусть и ничтожно малой. Именно это одна из причин того, что терроризм, особенно с сепаратистскими корнями, в различных проявлениях был, есть и, наверное, не исчезнет никогда. И даже страны, борющиеся с террористами, когда-то проходили через его расцвет на собственной земле и зачастую поддерживали его на государственном уровне¹. Сейчас же в возрождаемой империи разом появилось почти два десятка планет, поражённых этим вирусом, и если планеты, взятые с боем, как правило, не рисковали трепыхаться, не понаслышке зная, каково это – ощущать железную хватку имперцев на горле, то не испытывавшие это вновь присоединённые миры пока ещё не осознавали, чем могут кончиться их неумные действия.

Помимо этой головной боли, оказалось, что сбываются опасения Ковалёва и неконтролируемая экспансия грозит обернуться потерей контроля. Невесёлый каламбур, как ни крути – у имперцев ещё не было подготовлено достаточного количества скоростных кораблей, способных эффективно связать все территории в единую сеть. Конечно, огромное количество трофейных кораблей спешно перестраивалось, переводилось на имперские двигатели, но их было пока мало, производственные мощности оставались слишком ограниченными. В результате сейчас размеры контролируемых территорий достигли той грани, за которой тоненькая паутинка космических трасс грозила лопнуть, и центробежная сила вновь разнесла бы с таким трудом воссоздаваемое государство на части. Рост территорий произошёл слишком быстро, а, как известно, всему своё время, каждый плод должен созреть.

Вот такое невесёлое положение дел и обнаружил Ковалёв, выйдя из госпиталя. Вот уже два месяца он пытался исправить ситуацию. Получалось плохо.

¹ К примерам такого рода можно отнести Израиль.

Глава 2

– Опять не спишь?

Адмирал развернулся, рука инстинктивно легла на кобуру. Что поделаешь, защитный рефлекс, выработанный нервной жизнью и не менее нервной работой, – можно забыть носовой платок, кошелёк, даже штаны, но ремень с кобурой привыкаешь носить постоянно и, не ощущая давно ставшую привычной тяжесть пистолета, чувствуешь себя голым. Вот и сейчас пистолет был на положенном месте, и Ковалёву стоило заметного усилия остановить движение руки и не выхватить его.

– Не опять, а снова. Не спится.

– Заметно. – Дайяна оттолкнулась от косяка (надо же, стояла облокотившись на него уже неизвестно сколько времени, а адмирал даже не заметил) и вошла в кабинет. – Опять хреново было?

– Да нет, всё в норме, – бодро соврал Ковалёв. – Меня ведь ломом не убьёшь – всё равно оклемаюсь.

– Нью-нью, так я тебе и поверила. – Девушка подошла к адмиралу, встала позади кресла и начала массировать адмиралу плечи.

Её руки были неожиданно сильными для столь хрупкой фигурки. Ковалёв блаженно закатил глаза.

– Правда, всё нормально. Просто задумался.

– И три часа задумавшись сидел...

– Сколько? – Ковалёв аж подскочил в кресле.

– Три часа. Ну, почти три. Сиди, не дергайся. Пока ты здесь прохлаждался, я успела приготовить завтрак, так что...

– Ну да, яичницу ты жарить долго, – рассмеялся адмирал и тут же схлопотал подзатыльник. – Всё, молчу-молчу...

– Вот и молчи давай. Что за глобальные проблемы решал опять?

– Да всё те же.

– Ну так постарайся о них пока не думать. Сейчас поедем, а параллельно ты мне всё расскажешь. Глядишь, на сытый желудок что-то в голову и придёт.

– Ну да, тут без пол-литра не разберёшься. Хотя, конечно, ты права, одна голова – хорошо, а полторы...

И, ловко увернувшись от нового подзатыльника, адмирал вскочил, подхватил Дайяну на плечо и отправился в столовую.

Надо сказать, что Дайяна успешно развивалась как личность, кое в чём прогрессируя очень даже заметно. Во всяком случае, готовить она научилась, что не могло не радовать. Всё правильно: надо только захотеть – и всё получится, а когда появляется дополнительный стимул в лице голодного мужчины, прогресс и вовсе неостановим. Поэтому адмирал позавтракал очень неплохо, можно даже сказать – вкусно и вполне сытно.

И теперь откинулся на спинку стула, отхлёбывая из маленькой чашечки свой любимый кофе. Горячий ароматный напиток пришёлся как нельзя более кстати, и единственное, чему огорчался Ковалёв, был крошечный размер этой самой чашечки. Дайяна, обстоятельно изучив, как положено пить кофе на Земле, переняла оттуда в том числе и размер посуды, в то время как адмирал, простая душа, предпочёл бы для кофе кружку повнушительнее. Впрочем, он отнёсся к размерам чашки философски, не без основания решив, что это – не самая большая неприятность в его жизни. В конце концов, можно и вторую порцию налить, а при желании и третью.

– Ну, так что надумал? – с любопытством спросила Дайяна.

В третий раз спросила, надо сказать, но первые два раза Ковалёв её вопрос проигнорировал. Сначала потому, что ел и не хотел отвлекаться, а потом – просто из вредности, чтоб подразнить.

– Да в общем-то ничего нового. – Адмирал посмаковал кофе, оценивая его вкус, и блаженно зажмурился – кофе явно удался. – Всё хреново, если коротко. Убить кого-нибудь охота.

– Зачем?

– Да просто так, чтоб развеяться, – небрежно откликнулся Ковалев и, увидев вытянувшееся в недоумении лицо Дайяны, рассмеялся: – Да шучу я, шучу, просто я и в самом деле не представляю, что делать дальше.

– Это плохо, – чуть разочарованно откликнулась Дайяна.

– Знаю...

– Но вообще-то не всё так страшно. Я ведь, кажется, тебе уже говорила – мы форсировали производство двигателей, мобилизовали все верфи. Максимум в течение года у нас будет достаточно кораблей, чтобы стабилизировать ситуацию. Год-то уж как-нибудь продержимся.

– Я что, спорю? Это ты говорила не раз и не два, я всё помню, но как раз ситуация с окраинными планетами беспокоит меня меньше всего. Даже если вздумают отделяться – хрен с ними, потом возьмём за жабры. Время пока что терпит.

– Тогда чего ты нервничаешь?

– Нервничаю – громко сказано. Скажем так: я ощущаю некоторый дискомфорт от невозможности повлиять на ситуацию.

– В смысле?

– В прямом. Ты никогда не думала, что, кроме внутренних, да-да, теперь уже внутренних проблем, у нас есть кое-что ещё?

– Адеры?

– Молодец, умная девочка, возьми с полки пирожок. Их там два, тот, что с мясом, – посередине.

Дайяна несколько секунд сидела, надув губы, – видимо, то ли пытаясь вникнуть в дебри афоризма на великом и могучем», то ли размышляя, обидеться или нет. Впрочем, обижаться она не стала – к язвительности Ковалёва она уже привыкла и даже выработала на неё некоторый иммунитет.

– А что адеры? Пока что они всего лишь помеха, не более. Надо будет – раздавим, в исследованной части галактики пока что нет силы, сравнимой с нашей эскадрой.

– Забываешь прописную истину. Нельзя недооценивать врага. Да, они помеха, которую мы можем смести, но мы ведь даже не знаем, где расположено их государство и есть ли оно вообще. Может, они и планет-то своих не имеют, а просто бродяжничают в космосе. Где прикажешь их ловить? А ведь наши лихие товарищи не оставили нам своей эскападой ни одной зацепки. Они в очередной раз доказали всем вокруг, что, взяв в руки здоровенную дубину, можно считать себя самым крутым и тебе за это ничего не будет. Центральные планеты республиканцев они разнесли, раскатали в блин вместе со всеми, кто на них был. И что в результате? Большой пшик, вот что мы имеем. Информации у нас теперь – ноль, похоже, погибли все, кто хоть что-то знал. Кирдык носителям информации. Поверь, я тоже так умею, ничего нового ни в стратегии, ни в тактике никто не родил. Планеты, которые отошли нам после той бойни, – это их окраинные миры. Провинция, с провинциальными интересами и возможностями. Контрразведчики наши там шуршат, разумеется, но толку, я подозреваю, не будет – вряд ли там кто-то что-то знает, если и был кто замешан на адеров, то это было высшее руководство республики, причём, я подозреваю, не всё. Конечно, шанс что-то откопать всегда остаётся, но что-то больно уж хиленький этот шанс.

– Ну и что с того? Если адеры исчезнут с горизонта, то нам это тоже неплохо, а если проявятся снова, то рано или поздно мы на них выйдем.

– Выйдем. И что дальше? Доказательств-то никаких, нам даже предъявить им будет нечего.

– Дорогой, а когда империи требовались какие-то доказательства? Любая империя пользуется своим главным правом – правом сильного.

– Одно это и успокаивает. Если потребуется, повода искать не нужно, предъявим им... ну хотя бы массовую гибель гренландских тюленей в Красном море.

– Там же нет никаких тюленей, – удивилась Дайяна.

– Вот, – наставительно поднял палец Ковалёв. – А почему нет? Да потому, что адеры постарались... Ну да ладно, шутки шутками, а ситуация от этого не проясняется. Время, боюсь, играет здесь против нас, адеры развиваются, а мы пока что, извини, нет.

– Ну, фора во времени у нас лет пятьдесят.

– Не так и много, кстати. И не факт, что есть. Пойми, больше всего меня беспокоит, что адеры во многом похожи на нас самих. Такие же решительные, упорные, так же настроены на экспансию... В смелости им не откажешь, и мозги у них, надо сказать, варят. Обрати внимание, они пробуют разные варианты. Не получилось с внедрением через твоего братца... И то лишь потому, что на меня нарвались... Так вот, не получилось внедрение – полезли в силовой контакт. Схлопотали по морде – снова внедрение, но теперь уже совсем другого уровня. Для меня эти сеансы массового гипноза оказались совсем неожиданными. Что они в следующий раз выдумают? А главное, они почти не оставляют следов. У нас, считай, так и не было серьёзных пленных, а та мелочь, которую мы взяли, мрёт раньше, чем мы успеваем выкачать информацию. Ланцет уже нормальную речь с ними позабыл, только матом ругается... Подозреваю, правда, неспроста это – есть у них что-то вроде нашей пси-кодировки, не может не быть... Те трофейные корабли, которые оказались у нас в руках, дают некоторое представление об их технологическом уровне, но и только. Мы даже не знаем, это у них сверхсовременные линкоры или морально устаревшие сторожевики. Их коды на компьютерах мы до сих пор не взломали – они оказались неожиданно сложны, а у нас просто нет соответствующих специалистов. Что дальше? Да ничего мы, если подумать, о них не знаем, и это, честно говоря, меня пугает.

Наверное, для другого мужчины было бы трудно признаться в собственном страхе, особенно перед женщиной. Ковалёв не комплексовал, – в отличие от многих других людей, смелость свою ему никому не надо было доказывать. Дайяна лишь кивнула, принимая сказанное к сведению, и сердито потёрла рукой лоб.

– Ты тоже забываешь прописную истину – не стоит переоценивать врага.

– Угу. Тут главное не ошибиться, а то съедят и костей не оставят.

– Именно. Но меня, если честно, из всего вышеперечисленного больше всего волнует нюанс, который ты упустил.

– Это какой?

– Почему адеры полезли именно к нам? Вокруг куча цивилизаций и меньше, и слабее, подмять их – не проблема. Но они полезли на людей, сильнейшую расу в этих местах.

– Фиг знает, товарищ начальник. Может, остальных они в той или иной мере уже подчинили. А может, просто нас боятся и наносят превентивный удар. Что угодно может быть, мне извивы их психологии неведомы.

– А жаль. Впрочем, ты прав – данных для серьёзного анализа слишком мало.

– Именно. Я не раз думал о том, почему именно на нас они полезли, не такой уж я дурак, как тебе кажется. Просто пока что ломать голову ещё и над этим бессмысленно. Да, если нам удастся понять их мотивы, мы сможем лучше ориентироваться в проблеме, но это пока мечты.

– Ладно. – Дайяна упрямо тряхнула головой. – Не сейчас, так потом всё равно придётся решать эту проблему.

– Решим, куда деваться. Но ведь проблема-то не единственная.

– И какие ещё проблемы ты видишь?

– Многие. Тебе весь список огласить?

– Хотя бы основное.

– А основного не так уж и много. Во-первых, меня беспокоит то, что мы не одни, у кого в загашнике есть имперские корабли.

– Ты про тот линкор?

– Ну да, и он наверняка не единственный. Я тут в архивах порылся – появление одиночных кораблей имперской постройки наблюдалось неоднократно. Очевидно, где-то на периферии осталось немало имперских военных баз, имеющих на вооружении небольшое количество кораблей. Это по отдельности небольшое. А в сумме их должно быть немало, даже с учётом постепенного физического устаревания и неизбежных в дальнем космосе случайностей. Плохо, что о них мы тоже ничего не знаем. Даже меньше, чем про адеров. Помнится, посылали за тем линкором шпионов – так ни один не вернулся. В результате мы имеем абсолютно непредсказуемую величину, и это мне не нравится.

– Я-асно, – задумчиво протянула Дайяна. – А ещё что тебя волнует?

– А ещё меня волнует, что императора у нас как не было, так и нет. Тех уродов, что нам попадались до сих пор, до власти я не допущу. Да и вообще за один стол с ними не сяду... Но это – хрен с ними, придумаем что-нибудь. Не будет у нас легитимной власти – будет просто власть. Калибр орудий является зачастую лучшим доказательством законности правителя, чем генетическая экспертиза. А протесты покойников никогда живых всерьёз не волновали. Не хотелось бы так, конечно, но как аварийный вариант – пойдёт. Хотя... Может, всё же возьмёмся?

– Тысячу раз говорила и в тысяча первый повторю – нет! Реально – не потяну, а свадебным генералом – не буду.

– Жаль, – вздохнул Ковалёв. – Хотя ты, конечно, в своём праве. Так вот, меня также волнует вопрос, что нам делать дальше.

– А чего тут сложного? В принципе можно продолжать, как и сейчас, тихой сапой подминать соседей...

– Не получится. Мы на пределе – получили контроль всего-то над сравнительно небольшой провинцией, и у нас уже не хватает ни людей, ни кораблей. На какое-то время придётся остановиться, навести порядок, подготовить корабли и экипажи и, как ни крути, окончательно потерять темп. Я, если честно, до известных тебе событий всерьёз планировал ударить на столичную планету – тогда у нас в руках оказался бы ещё один символ имперской власти, а символы в глазах простых людей значат до неприличия много, да и перспективы кое-какие открывались... Но это внеплановое расширение зоны ответственности жрёт наши ресурсы, как пылесос. Вот она, настоящая беда всех империй – невозможность эффективного управления и растягивание ресурсов на второстепенные направления при превышении критических размеров... Впрочем, я могу и ошибаться.

– И что дальше делать будем?

– Ну, для начала, я думаю, надо начать решать проблемы по мере их появления...

– Ах, какие мы умные, – съязвила Дайяна.

– А то. – Адмирал скорчил шутовскую рожу и демонстративно почесал обтянутое тельняшкой пузо. – Я и при жизни такой был...

Фраза из старого анекдота² прозвучала из его уст весьма двусмысленно, и Дайяна предпочла не развивать тему. Вместо этого она спросила:

– Ну а если серьёзно? Ты всё так расписал, что плакать хочется.

– Нет, плакать не надо – надо думать. А вообще для начала надо организовать глубокий поиск по окраинам империи.

– Зачем?

– За шкафом. Ты умная-умная, а иногда такие вопросы детские задаешь... Ты подумай, что нам известно об имперских пограничных базах? Да опять же ничего – в компьютерах моих кораблей такой информации нет, потому как их прежним владельцам она была в тот момент не нужна. А ведь именно с них, с пограничных баз, похоже, появляются имперские корабли. Надо их найти, договориться о координации действий...

– Кто из нас ребёнок? Ты наивен, как... Ну, я даже не знаю, как кто. С чего обитателям этих мифических баз, даже если они и существуют, с нами сотрудничать? Если у них сохранилась имперская техника, им и без нас неплохо.

– Знаешь, Дайяна, история моего мира учит нас одному интересному правилу. Или, точнее, закономерности. Сильно подозреваю, что здесь может наблюдаться та же история.

– И какая?

– Да простая, в общем-то. Понимаешь, практически во всех государствах, формирующихся по имперскому принципу и претендующих если не на мировую гегемонию, то, во всяком случае, на звание державы, наблюдается один и тот же процесс. Наиболее преданы стране, наиболее надёжны как раз те, кто или пришёл с периферии, или тянет лямку вдали от столицы³. Те же, кто сидит у трона, чаще всего и предают. Да и реальной власти у них, если вдуматься, не так уж и много. Вроде бы чем выше чин – тем больше возможностей. Теоретически. А на практике у начальника генерального штаба, например, нет возможности непосредственно влиять на события, только через кого-то, через длинную цепочку исполнителей, от генерала до лейтенанта в самом низу... Как считаешь, велика вероятность сбоя в такой цепочке?

– Ну, здесь не поспоришь. Но к чему это?

– Да к тому, что служба вдали от штабов, от центра с его вечным контролем, поневоле заставляет человека развивать инициативу и учиться принимать решения, без этого там не проживешь – как минимум завалишь дело и получишь по шапке. Подозреваю, что там, где на момент развала империи оказались толковые командиры, всё осталось в относительном порядке и до нашего времени вполне дотянуло. И есть большая вероятность, что там мы найдём союзников.

– Как ты думаешь...

– Головой, а что?

– Блин, не сбивай. Как ты думаешь, почему они сами не сделали то, что делаем мы сейчас?

– Да потому, что даже мы сейчас тянем еле-еле, а ведь у нас под рукой одна из наиболее мощных эскадр того времени. Что мог сделать провинциальный командир, у которого в загашнике старый линкор и пара крейсеров? Ещё и с учётом того, что на тот момент технологическая деградация человеческую цивилизацию не поразила и тяжёлыми боевыми кораблями баловались все, кому не лень? Да ничего, ровным счётом ничего – в крайнем случае постараться сохранить свои корабли до лучших времён. Подозреваю, именно результат такой политики мы сейчас и наблюдаем.

² Идёт женщина ночью мимо кладбища. Ей страшно. Видит мужчину, подходит к нему и просит:– Проводите меня, пожалуйста, я покойников боюсь. Мужчина её проводил. Она ему:– Спасибо, вы такой джентльмен.– Ну да, я и при жизни такой был.

³ Справедливо и для СССР, и для США, да и для многих других стран тоже. Неоднократно доказывалось историей.

– Но почему в таком случае они не вышли на контакт с нами?

– Знаешь, а ведь я на их месте тоже не рискнул бы. Чего от нас ожидать, они не знают, а вот то, что в средствах мы не слишком разборчивы, видно издали, невооружённым глазом. А разведсеть они просто не могли за это время не создать... Словом, на контакт с нами они не пойдут – нам придётся искать их самим, да ещё и убеждать, что мы белые и пушистые. Ёлки зелёные, если бы я в своё время знал, что авантюра, которую предложил Шерр, – это не компьютерная стрелялка, в которой слетал и быстренько всех завалил, а такой вот геморрой, то хрен бы я на неё подписался.

– Так, значит, будем искать? – спросила Дайяна, благополучно пропустив мимо ушей последнюю реплику адмирала.

А что поделать – привыкла уже к его перепадам настроения и приступам самобичевания.

– Будем. – Ковалёв кивнул, резко встал, растёр шею. – Вызови, пожалуйста, Шерра, Шурманова и, наверное, Синицына. Думаю, парнишке мы поиск и поручим – справится.

– Натаскиваешь? – проницательно осведомилась Дайяна.

– Да, натаскиваю, – не стал отпираться адмирал. – Готовлю дублёра, это надо делать заранее.

– Зачем?

– А на всякий случай, – безмятежно улыбнулся Ковалёв. – А то подстрелят меня опять, и что дальше? Опять всё на Семёныча вешать?

– А я уж думала, ты своего родственничка будущего подальше спровадить хочешь...

– Какого ещё родственничка? – Ковалёв мгновенно напрягся, взгляд его стал острым, колючим.

– Ну ты даёшь... Похоже, ты единственный, кто ничего не знает. Твоя Юлька, похоже, втюрилась в нашего храброго капитана без памяти, да и он тоже вроде как...

– Вроде как? – проскрипел адмирал, решительно вставая и резким движением вытирая руки кстати подвернувшейся салфеткой. – Ну, я им сейчас покажу «вроде как»... За мной!..

Шейх был красивым. Ключевое слово «был» – он был, а теперь его не было.

Тело шейха со следами ног и прикладов покачивалось в петле, сделанной из толстой верёвки. Умирал он медленно – если на обычной виселице с выбиваемым табуретом или открывающимся в помосте люком человек умирает от перелома шейных позвонков, то шейх умер от удушья. Колючую пеньковую верёвку медленно натягивали. Сначала он поднимался на носки, потом повис и ещё долго дёргал ногами, пока не задохнулся. Позорная смерть для мусульманина...

Олаф презрительно сплюнул – этот гад верещал как свинья и выдал всё и всех, как только получил пару раз по холёной смазливой роже. Его телохранители, числом почти сотня, которые пали, защищая дворец, вели себя куда более достойно и умерли, пытаясь спасти повелителя. Защищались они отчаянно и умело, но что они могли противопоставить закованному в глухие бронированные доспехи имперскому спецназу и поливающему их огнём с воздуха штурмовому боту, по невидимой силовой броне которого бессильно расплёскивались взрывы зенитных ракет? Старые как мир, хотя и мощные и надёжные калашаи да несколько БТРов, оказавшихся в подземных боксах? Это даже не смешно, это печально.

Вновь созданный имперский спецназ работал в своей привычной, уже фирменной манере – грубо, стремительно и безжалостно. Фактически вся стратегия этой операции описывалась двумя словами: «валим всех»! Прижав обороняющихся огнём со штурмбота (это было и не нужно в общем-то, но здорово экономило время – останавливающее действие пуль старых автоматов было впечатляющим) и не давая им поднять головы, спецназ быстро и сноровисто выгрузился из широкого люка десантного бота, севшего прямо на крышу дворца, –

точнее, зависшего в полуметре над ней: во-первых, неровная слишком, а во-вторых, было сомнительно, что крыша выдержит такую махину, – и начал зачистку, не слишком жалея боеприпасы – из обитателей дворца живой им нужен был только один, причём его местоположение было чётко локализовано, а остальные представлялись не более чем нежелательными свидетелями. Именно поэтому, когда прорвавшие оборону спецназовцы шли по коридору, они просто бросали гранаты во все двери подряд, разнося в клочья всё и всех без разбору – арсенал, каптёрку, комнаты слуг, гарем...

Шейх участь своих близких разделить не пожелал и очень шустро выскочил из постели, в которой как раз развлекался с какой-то красоткой... Ну, оно понятно – видимо, от грохота эрекция пропала. Правда, это были исключительно его проблемы. В общем, выскочил он и, даже не одеваясь, рванул прочь из дворца, воспользовавшись подземным ходом, явно прорытым как раз на такой случай. Теоретически такой манёвр был оправдан – об этом ходе, построенном ещё в те времена, когда эмират был обычной папуасией (а не папуасией богатой, как сейчас), а дворец напоминал скорее грязную хибару, знать никто не мог – тайна передавалась из поколения в поколение только наследнику. Увы, давно почившие в бозе строители не могли предположить наличия у атакующих глубинных сканеров, позволяющих заглядывать под землю на несколько километров. Сейчас спецназ был оснащён куда лучше, чем в тот раз, когда Ковалёв со товарищи штурмом брал бандитское гнездо, поэтому операция была спланирована тщательно, разведка проведена и возможные пути бегства шейха перекрыты. Короче, ждал его на выходе из подземного хода высокий улыбчивый мужчина, за полной никчёмностью противника не надевший даже штурмовой брони, и получил шейх, только успевший выскочить из своей норы и ничего не видящий в кромешной темноте южной ночи, мощнейший удар в пах. От резкой боли он согнулся, зажимая руками вдребезги разбитые гениталии, и тут же разогнулся, когда тяжёлый сапог с металлической набойкой на носке врезался ему в лицо, прямо в зубы.

Зубы остались... на земле, а потерявшего сознание шейха по тому же подземному ходу нападавший за ногу потащил обратно во дворец, не слишком заботясь о том, что тело пленного в кровь обдирается о валяющиеся на полу многочисленные острые камешки. И в той же спальне, в которой недавно развлекался её хозяин и из которой только что пинком вышвырнули его наложницу, начался допрос.

...А начиналось всё на редкость банально. В маленьком южном городе, в котором уже много лет было не слишком спокойно, случился теракт. Событие это было если не рядовое, то и не из ряда вон выходящее – три-четыре раза в год в городе находили и обезвреживали какое-нибудь взрывное устройство. А иногда не находили и не обезвреживали, и тогда раздавался громкий «БАБАХ!» – и вокруг разлетались болты, гайки, куски арматуры и прочая дрянь, которой фаршировали самодельные бомбы в качестве поражающих элементов. Как правило, кто-то погибал, кто-то бывал ранен, хотя иногда обходилось и без жертв. Короче, к моменту описываемых событий таких удавшихся терактов было шесть. Этот был седьмым...

Так уж получилось, что никто не погиб. Как говорится, и слава богу, однако был нюанс – среди раненых оказались жена и тёща одного из солдат, совсем недавно отправившегося с Ковалёвым в космический поход. То есть родственники имперского военнослужащего. А значит, граждане империи.

Такое не могло остаться безнаказанным. Олаф, командовавший силами быстрого реагирования, дислоцированными в Солнечной системе, имел на подобный случай совершенно чёткие и однозначные инструкции. Президент России тоже был предупреждён о том, что в таком случае во избежание лишних жертв лучше оказать имперцам всемерную помощь и содействие, – этот момент Ковалёв особо оговаривал с ним перед отлётом. Точнее, поставил перед фактом, что стоит помочь, а то всякое может случиться. Например, будут за террористами с крейсера охотиться, не слишком прицельно стреляя по ним из орудий главного

калибра. Президент важностью ситуации проникся, так что карт-бланш Олафу был обеспечен.

Наверное, правоохранные органы раскручивали бы ситуацию долго, многие месяцы, и без сколь либо серьёзной надежды на реальный успех. Имперцы действовали по-другому. Все въезды и выезды из города были перекрыты. Увы, это получилось сделать не сразу, и шанс, что удастся взять террористов по горячим следам, был относительно невелик, однако нужно использовать любую возможность.

Это была не милицейская проверка – всё было намного проще и жёстче. В город никого не впускали, из города никого не выпускали. Скандалистов тут же, на месте, арестовывали и отправляли в передвижные КПЗ. Олаф на полном серьёзе раздумывал, не вызвать ли на помощь приданный ему крейсер, способный накрыть город силовым полем и полностью предотвратить возможность его покинуть, однако по здравом размышлении решил этого не делать – незачем было столь уж явно демонстрировать своё присутствие. Да и местность вокруг города была голая, как стол, поэтому для контроля было вполне достаточно нескольких вертолётов, непрерывно висящих в воздухе. Ну а потом началась охота.

Не секрет, что в правоохранных органах есть оперативная информация если не о всех, то почти о всех серьёзных преступниках. По разным причинам эта информация до суда не доходит, да и сами преступники оказываются на скамье подсудимых куда реже, чем хотелось бы. Однако всё это справедливо до тех пор, пока у тех, кто правит страной, не возникнет желания навести порядок, – тогда проблема решается практически мгновенно⁴. Правда, о всевозможных демократических правах и свободах вроде суда присяжных в такой ситуации приходится забыть. В данном случае желание разобраться возникло на ещё более высоком уровне.

Уголовников просто выдёргивали из постелей, арестовывали на улицах, брали за жабры в ресторанах. Их закидывали в специально подогнанные автобусы и увозили, сопротивляющихся избивали – сильно, но без лишней жестокости, только чтобы не рыпались, пытающимся убежать аккуратно простреливали ноги. Словом, работали быстро и эффективно, как мощный и бездушный механизм. Прошло не более двух часов, а на небольшом стадионе были, как сельди в бочке, набиты местные бандиты – и карманники, и «быки», и воры всех рангов. Нынешнее положение уравнило всех, и спокойные люди в чёрной броне с автоматами наперевес абсолютно не обращали внимания на злобные выкрики, а подчас и угрозы подконвойного элемента. Правда, вскоре кому-то из них надоело слушать матюги бандитов, и он спокойно сказал в мегафон:

– Тихо, или будем стрелять.

А когда вопли не прекратились, по ногам бандитов хлестнула очередь. Больше предупреждений не потребовалось, тем более что медицинскую помощь раненым никто из охраны оказывать не собирался.

Сбор преступников был закончен, и за них принялись следователи. Не обычные или прокурорские милиционеры, а имперские. Эти не заморачивались игрой в вопросы и ответы – они просто накрепко пристёгивали преступников к креслам, накачивали их химией и получали интересующую их информацию без изысканных психологических изысков, зато быстро и качественно. Информация сразу передавалась в суды – с самого верха пришёл приказ считать её априори достоверной и законно полученной, ни в коем случае не затягивать с решением более пяти минут и выносить максимально суровые приговоры. Ну и мораторий на смертную казнь сняли до кучи. За соблюдением приказа на добровольных началах проследили всё те же имперцы. Интересно, за представителей каких спецслужб приняли их мест-

⁴ При Сталине, например, проблема уголовной преступности решалась быстро и качественно. Выжившие после этого уголовники зачастую зарекались совершать преступления.

ные? Короче говоря, в течение нескольких часов преступность в городе исчезла, а по всем регионам начала распространяться информация о том, что послужило толчком к этому. В дальнейшем оказалось, что ход этот был весьма и весьма дальновидным – не раз и не два местные бандюки после нескольких повторений терактов или выпроваживали всевозможных бомбистов-стрелков из своих городов, или просто давали на них наводку властям. Но всё это было потом, пока же ситуация развивалась по сценарию, от которого в ужас пришли бы правозащитники всего мира.

Прелесть её была в том, что криминальные сообщества в России так или иначе пронизывают все сферы. Это может быть что угодно – от коррумпированного чиновника до вполне рядового, ничем не примечательного и ни в чём не замешанного человека, отсидевшего когда-то на зоне и в той или иной степени сохранившего старые знакомства. Соответственно, в этой среде фактически невозможно что-либо скрыть всерьёз. Другое дело, что и наружу выплывает немного, но когда за дело берутся профессионалы и начинают всех подряд грубо колотить... Как ни таились заговорщики, готовившие теракт, всё-таки краем они зацепили местных не вполне законопослушных граждан, просто не могли не зацепить, ну а дальше размотать цепочку было лишь делом техники.

Из троих совершивших теракт в городе оказались двое. Прятались по квартирам родственников, но, когда тебя всерьёз ищет не ограниченная ни законами, ни техническими средствами спецслужба, такая маскировка выглядит по меньшей мере наивной. Взяли их, что называется, тёпленькими. Родичей – сразу за решётку за укрывательство к всё тем же уркам (до утра половина этих родственничков не дожила, а вторая половина пополнила ряды лагерных «Машек»), а подрывников стали колотить. Кололи жестко, используя и химию, и старые добрые щипцы для орехов, – какая разница, в каком виде окажутся эти двое? Всё равно они не доживут даже до суда – так молчаливо, но единогласно решило общественное мнение имперцев. А информация – вещь необходимая, поэтому её надо было получить немедленно.

Увы, эти двое были всего лишь шестёрками – бери больше, кидай дальше... Или, что точнее, принеси – подай – отойди, не мешай. Да, привезли, да, установили, но больше они и не знали ничего. Точнее, почти ничего – имя третьего, того, кто ими руководил, они всё же знали, да и фоторобот составили – нарисовали, погружённые в гипнотический транс. Что ж, и это было немало – процесс, что называется, пошёл, и даже понёсся, как почувшавший шпоры жеребец. По фотороботу установили имя, ещё по куче малозаметных факторов – личность главаря, и охота началась. На орбиту вышли разведывательные спутники – подобно сгусткам чёрной мглы, невидимые для радаров и почти неразличимые визуально, они обшаривали район объективами мощнейших камер, разрешению которых могли позавидовать лучшие телескопы Земли, и вскоре беглец был обнаружен. Он не нашёл ничего лучше, как спрятаться в родном ауле. Редкостно предсказуемый ход, хотя, конечно, обусловленный тем, что российские спецслужбы с осторожностью относились к всевозможным операциям в горных селениях. Теоретически там действительно можно было отсидеться, но охота уже вышла на уровень, когда на средства не смотрят, у Олафа был карт-бланш на любое действие, ведущее к результату, вплоть до орбитальной бомбардировки района. Приданный силам быстрого реагирования крейсер всё же снялся с марсианской орбиты и уже лёг на курс к Земле, готовый в случае нужды поддержать их всей своей немалой мощью. Последний довод королей⁵ тот, который понимают все без исключения, но только в случае, если его действительно готовы пустить в ход. Олаф был готов.

⁵ *Ultima ratio regum* (лат.) – иносказательно: последний, решающий, «королевский» (иногда с позиции силы) довод, аргумент (*шутл.-ирон.*). Французский кардинал и первый министр короля Франции Людовика XIII Жан Арман Ришелье (1585—1642) распорядился на всех отливаемых во Франции пушках чеканить эту латинскую надпись. Позже его примеру решил последовать и прусский король Фридрих II Великий (1712—1786): он приказал на своих пушках отливать те же слова, но с поправкой, подчеркивающей их непосредственную принадлежность королю: *Ultima ratio regis* – «Последний

Впрочем, использовать броненосный космический монстр не потребовалось. Просто рано утром жители маленького горного аула были разбужены ударами прикладов и вышвырнуты из своих домов на улицу. А на улице их ждала совершенно неожиданная картина – несколько десятков человек в странной чёрной форме с непривычного вида оружием на изготовку.

Кто-то начал возмущаться... И один из «чёрных» достал здоровенный пистолет и, приставив ствол к его лбу, спустил курок. Пуля вышибла мозги, разбив в клочья череп и забрызгав стоящих вокруг кроваво-серой кашей. Мгновенно установилась гробовая тишина. Олаф одобритительно кивнул прячущему пистолет в кобуру сержанту – так с ними и надо, язык силы понимают все.

– Мне нужен Умар Джанкоев.

– Его здесь нет... – начал было кто-то, но тут же, охнув, согнулся от страшного удара прикладом под рёбра.

– Молчать, урод, я не спрашиваю, я говорю – ведите его сюда. А не то сейчас всем обрезание сделаю. Под самый корень.

Местные угрюмо молчали. Стоящий перед ними человек выглядел как русский и говорил как русский, но вёл себя не как русский. И окружающие его солдаты тоже русскими не выглядели – все как на подбор высокие, сильные... Породистые – иного слова не подберёшь. По сравнению с пацанами-срочниками они выглядели просто пугающе. Некоторые вдобавок были одеты в нечто напоминающее рыцарский доспех, только выглядящий невероятно совершенным. Оружие своё необычное они держали хватко и, главное, пускали его в ход не то чтобы не задумываясь, а с видимым удовольствием. И чувствовалось, что они в грош не ставят ни самих жителей деревни, ни возможных неприятностей от последствий своих действий.

Однако толпа по-прежнему молчала. Олаф пожал плечами: ну что же, он предупредил. Небрежный кивок одному из солдат, и тот, переведя свой плазменный излучатель в режим огнёмёта, повернулся к ближайшему дому. Шелестящее пламя тут же окутало постройку. Кто-то закричал, толпа качнулась было вперёд – и тут же встала. Длинная очередь из автомата прочертила в пыли перед ними пунктирную черту, заходить за которую не рекомендовалось. Намёк был понят – местные цивилизовались прямо на глазах.

– Где Джанкоев?

Солдат с огнёмётом развернулся ко второму дому.

– Не надо! Не жгите! Я скажу!

Две минуты спустя Умара Джанкоева выволокли на площадь – он скрывался в подвале дома родителей своей жены. Олаф презрительно посмотрел на него и небрежно бросил:

– В машину.

Потом он, сопровождаемый двумя солдатами, подошёл к дому, поглядел на него, пожал плечами и бросил в дом плазменную гранату. Полыхнуло – и секунду спустя на месте дома осталась только груда дымящихся развалин. Потом притащили тех, кто жил в этом доме, швырнули перед Олафом на колени. Супер брезгливо скривился.

– Сейчас вам вживят чипы. Попытайтесь извлечь – взорвутся. Если через сутки вы ещё будете на русской земле – они тоже взорвутся.

– Что вы делаете! – взвыла какая-то женщина.

– А что вы хотели? – почти ласково, но в то же время брезгливо спросил Олаф. – Запомните, крысы, есть законы, и они обязательны для всех. А для тех, кто решил, что ему закон не писан, будет обязательная виселица. Пшла!

– Они не успеют убраться из страны, – заметил кто-то из спецназовцев.

– А мне-то что до того? – искренне удивился Олаф. – Ладно, пошли потрошить эту скотину. Мне адмирал голову оторвёт, если я не хлопну главного заказчика.

Заказчика своего Умар сдал почти сразу – и заслужил лёгкую смерть. Ещё через три часа тело чиновника, сидящего совсем недалеко, в областном центре, нашли в его кабинете. Причина смерти была ясна без всякой экспертизы – его затоптали ногами, обутыми в тяжёлые ботинки с необычным рисунком протектора. Умирал он тяжело и перед смертью назвал того, у кого получал деньги...

Вот так, по цепочке, которая включала ещё немало звеньев, и дошли до шейха. Шейха допросили, повесили, засняв процесс на видео, и теперь минировали дворец (в подвалах, кажется, оставался кто-то живой, но это было поправимо – взрыв всё равно разнесёт здесь всё вдребезги) и решали, что делать дальше – слишком неожиданной оказалась полученная от него информация.

– Я всегда думал, что они враги...

– Хе, ты наивен, как ребёнок, Олаф.

Джим, удобно развалившись в кресле, потягивал из высокого бокала отличное вино. Шейх, похоже, не слишком соблюдал религиозные запреты, и Джим этим бессовестно воспользовался. Полюбовавшись на икебану из висящего араба, Джим продолжил:

– Пойми, миром правят деньги. Это мы с тобой знаем, что есть и другие стимулы – честь, благодарность, дружба... Остальные этого просто не понимают.

– Не обобщай. В мире ещё немало нормальных людей. Да вот наши экипажи хотя бы...

– Да так-то оно так. Я в общем смысле говорю. Просто слишком много тех, кто меряет на деньги всё подряд. Вспомни, ваша страна рухнула как раз тогда, когда количество таких вот людей, для которых деньги заменили честь и совесть, превзошло критическую массу. И у меня в стране то же самое. Я это к чему веду? На людях эти уроды могут сколько угодно проклинать друг друга, но когда дело доходит до денег... Словом, я ничуть не удивлён, что шейх сотрудничал с разведкой Израиля. Хорошо хоть, имена назвал, гад.

– Ну, дальше придётся по официальным каналам. У Израиля хорошая контрразведка, вытащить этих ублюдков и не засветиться слишком сложно.

– Официально не получится – не отдадут. Надо бить их, причём так, чтоб «мяу» потом сказать не смели.

– Не любишь ты евреев, – с деланным неодобрением покачал головой Олаф.

– А чего мне их любить? У меня ориентация нормальная. Вот евреек – да, люблю, даже очень, а мужчин-евреев любить мне как-то не с руки, – усмехнулся Джим. – А вообще, если кроме шуток, – да, не особенно я к ним хорошо отношусь.

– Однако же, Джим, ты антисемит... Вот не ожидал от толерантного американца.

– Ты, Олаф, неприличными словами не обзывайся. Я нормальный американец, а не нынешние жвачные. Ты пойми, среди евреев масса умных, порядочных людей. Только вот попал я как-то в Израиль во время их Пасхи... Как там она называется? Не важно. Вот и нарвался на их ортодоксов. Они вели себя как абсолютные сволочи, разве что ноги об меня не вытирали. Богоизбранные, блин... В общем, с тех пор я ни евреев, ни Израиль не люблю.

– Логично. Честно говоря, я не во всём с тобой согласен, в каждом народе есть разные люди, но тебя я понимаю. Хорошо, если окажется, что они замешаны, а признаться не захотят, то испытаем на Израиле кварковую бомбу. Мне все равно её испытать хотелось.

– Понеслись над ними кварки, превратив мерзавцев в шкварки, – скаламбурил Джим.

– Не смешно. Но актуально. Поддерживаю.

И они чокнулись бокалами из тончайшего стекла, наполненными великолепным вином.

Глава 3

Совещание прошло без сучка без задоринки. В принципе идея дальнего поиска витала в воздухе, и о необходимости найти уцелевшие имперские базы задумывались все его участники, поэтому решение было принято почти сразу. Единственная заминка была связана с кандидатурой Сеницына, точнее, претензии были только к его лихачеству и вольной трактовке понятия дисциплины, что, впрочем, для разведчика не всегда является отрицательной чертой, да и на совещание Сеницын явился в огромных тёмных очках, которые скрывали великолепный фингал, что вызвало смешки, так как все догадывались о причине появления на лице офицера столь сомнительного украшения. Ну что же, это было ещё одним подтверждением старой истины, что ни молодость, ни подготовка, ни отличная реакция не спасут от разгневанного отца.

Впрочем, смешки смешками, а дело с мёртвой точки сдвинулось. Сеницына утвердили (не хотелось Ковалёву назначать его единолично, и были на то свои причины), и тот, радостный, лихо промаршировал к дверям. Все посмотрели ему вслед, выпучив глаза, – такой формы строевого шага ещё никто из собравшихся не видел, однако, не стовариваясь, махнули рукой – в конце концов, никто ведь не заставлял Сеницына этот самый строевой шаг изображать, атмосфера здесь была самая что ни на есть непростоительно демократичная. Демократия – это, конечно, для армии понятие относительного качества, но и по уставу постоянно жить – загнуться можно. К тому же – все свои, можно сказать, узкий круг – сам Ковалёв, Шерр, Дайяна, Шурманов... Кого, спрашивается, стесняться? Все одно дело делают.

Закончив с назначением и кое-какой текучкой и ещё раз добродушно посмеявшись над Сеницыным, которого для солидности произвели в капитаны третьего ранга, приступили к делу не менее важному, хоть и не такому заметному, как бряцанье оружием, – обсуждению экономической структуры возрождаемой империи. Пожалуй, это дело было даже более важным, ибо войны рано или поздно заканчиваются, а экономика нужна всегда.

Всё дело было в том, что производственные структуры Второй империи были созданы не только и не столько с целью обеспечения максимальной эффективности, сколько для предотвращения возможного развала государства. Система, использовавшаяся в них, эффективно работала и предотвращала сепаратизм, пока империя имела полноценную государственную власть, но она же отбросила людей на столетия назад, лишь только центральная власть исчезла. И была эта система основана, как это ни парадоксально, на разделении труда.

Всё было просто, как молоток, и столь же надёжно. Ни одна планета, ни одна звёздная система не имела полного комплекта технологий, обеспечивающих возможность строительства межзвёздных кораблей. Больше того, этот самый комплект был разбит на очень-очень маленькие части, и в результате одна планета производила реакторы, вторая – топливо для них, третья – системы управления, на орбите четвёртой висели доки для сборки корпусов, но материалы опять же производились в другом месте и так далее. С одной стороны, такая система приводила к неоправданным затратам на логистику, но с другой – как только какая-нибудь звёздная система пыталась отделиться, империя просто уводила из неё имеющиеся там корабли, а потом с улыбкой наблюдала, как эта самая система скатывается в экономический и социальный коллапс, не имея возможности организовать торговлю с другими мирами. При этом не было тех проблем, которые наблюдались на Земле, когда сепаратисты в таких случаях расползались по другим регионам, – бескрайние космические просторы, невероятные пространства пустоты удерживали жителей таких планет-изгоев лучше всякой тюрьмы. Конечно, оставались ещё пираты и контрабандисты, готовые за соответствующую плату на что угодно, однако имперские патрули тоже не сидели сложа руки, а сотрудничество с сепар-

ратистами каралось в империи всегда одинаково и без проволочек – смертная казнь через расстрел из корабельных орудий. Вместе с кораблём, на котором леишь, естественно.

Собственно, экономика империи оттого, что кто-то выпал из производственной структуры, не слишком страдала. Планет было много, каждый этап производственного цикла дублировался по нескольку раз, а с учётом того, что производственные мощности на случай большой войны всегда строились с запасом и в мирное время особой загруженностью не страдали, то проблема с вынужденным переносом заказов решалась практически мгновенно и безболезненно. После того как был внедрён принцип такого разделения труда, всевозможные проявления сепаратизма очень быстро сошли на нет – люди поняли, что в одиночку не выжить, а помогать им, когда они начнут вымирать, никто не будет. Система действовала, но ровно до тех пор, пока крепка была центральная власть. Когда же разрушился центр, началось такое...

Теоретически ничего вроде бы и не изменилось, но на практике всё звучало теперь совсем иначе. Попробуйте произвести, скажем, двигатель для звездолёта, если только для корпусов требуются три разных типа сплавов, которые на планете не производятся. Более того, нет ни одной планеты, на которой производятся все три. И более того, до ближайших планет, где производится хоть один из этих сплавов, десятки светолет. В общем, как только рухнули налаженные связи между предприятиями, рухнуло и всё производство, весь цикл, и производить новые корабли стало просто невозможно⁶. Добавьте к этому попытки увеличить своё влияние силовым путём, предпринимаемые почти всеми, и неизбежные из-за этого войны, в пламени которых сгорели почти все оставшиеся со времён империи корабли, – и получим то, что заслужили.

Конечно, люди – существа умные. Со временем более-менее развитые в научном и техническом отношении планеты вновь научились производить звездолёты, но теперь, в силу объективных причин, это были много более простые, а значит, и менее эффективные модели. По сути, это и стало причиной гибели человечества как единой цивилизации и образования кучи небольших анклавов, медленно развивающихся и непрерывно конкурирующих за ресурсы. Именно это и позволило относительно небольшой эскадре старых имперских кораблей нагибать всех подряд.

Самое интересное, что едва ли не единственным, кто имел под рукой возможности для организации производства полного цикла, был незабвенный адмирал Гасс – на его базе была реализована возможность полномасштабного автономного ремонта кораблей любого класса и строительства кораблей до лёгкого крейсера включительно. Это и понятно, почему для ничем не примечательного вроде бы адмирала сделали такое исключение, – достаточно вспомнить, каким невероятным кредитом доверия Гасс пользовался у императора и кем в будущем ему предстояло стать. Ну и ещё на некоторых военных базах, вроде тех же баз Охотников, можно было организовать мелкосерийное производство лёгких кораблей, главным образом устаревших конструкций, хотя полный цикл там обеспечить было и невозможно и часть необходимого всё равно надо было завозить. Теперь же преемникам покойного адмирала предстояло воспользоваться уникальным шансом и восстановить утраченные связи – иначе все их потуги по реанимации империи в лучшем случае грозили обернуться повторным коллапсом, может быть чуть более медленным, чем предыдущий.

Вот этот вопрос и вызвал новые споры. С одной стороны, можно было повторить имперскую систему – это было не так уж и сложно. Механизм отработан, а в нынешней ситуации нестабильности такая мера предосторожности, как возможность блокады сепаратистов, была отнюдь не лишней. Однако, если взглянуть на результат под другим углом, ущербность и уязвимость такой системы тоже была налицо. Одна ошибка – и всё рухнет

⁶ Подобное наблюдается и у нас. По оценкам специалистов, «Буран» нам уже не воссоздать.

как карточный домик. Империя имела в своё время запас прочности за счёт многократного дублирования, но сейчас под рукой было не так много развитых планет – стало быть, дублирования не будет и уязвимость ещё более повышается.

Ещё проще было развернуть производство полного цикла на нескольких наиболее развитых планетах. Это давало многие преимущества, хотя на первых порах пришлось бы производить корабли не страшнее эсминца, но лиха беда начало. Сейчас эсминцы, а лет через десять, глядишь, и линкор на стапелях появится. Остальным подконтрольным планетам отводится роль доноров ресурсов и продовольствия – всё равно на большее пока не способны.

Радужные перспективы, но сразу возникал интересный вопрос о том, что начнёт твориться на этих планетах после того, как они наберут силу. Как-никак они долго были сами по себе, успели хлебнуть вольницы, а преимуществ имперское подданство на первых порах даст не так и много. В далёкую перспективу люди смотреть, как правило, не любят, а значит, планеты станут островами сепаратизма, тем более опасными, что сами смогут производить корабли и вооружение высокого качества. Замкнутый круг получается.

В принципе выход из этого замкнутого круга тоже был виден, что называется, невооружённым взглядом – создать сплав двух этих систем, когда возможностью производить корабли по полному циклу обладают две-три планеты с особо доверенным и проверенным населением, во всех же остальных реализуется имперский принцип. С одной планетой всё было ясно – в Солнечной системе уже начали потихоньку строить гигантскую верфь, способную служить колыбелью даже для имперских линкоров и авианосцев последнего поколения. Правда, строительство шло неспешно – почти все и без того невеликие мощности были заняты на ремонте «Инквизитора». Трофейный линкор через месяц должен был выйти на ходовые испытания, после чего строительство верфей могло быть ускорено многократно. Корабли же меньших размеров, крейсера и тем более эсминцы, с ремонтами малой и средней сложности гонять к Земле нужды больше не было – ремонтные доки, построенные на орбитах уже двух планет, и оказавшаяся в неплохом состоянии база Охотников вполне могли обеспечить их работоспособность.

Всё это не могло не радовать, однако если кандидатура Солнечной системы сомнений не вызывала, то иные варианты были куда более шаткими. Ни Лейда (Шерр даже не обиделся), ни иные планеты не обладали ни достаточным производственным потенциалом, ни необходимой степенью лояльности населения, поэтому собравшиеся в очередной раз поспорили и поругались. Обсуждение этого вопроса велось почти каждую неделю, и Ковалёв уже всерьёз опасался, что ему придётся принимать решение единолично и ставить всех перед фактом. К этому, похоже, и шло – хотя время ещё, что называется, не поджимало, но и тянуть до бесконечности было нельзя. Самый простой способ убить какое-то дело – утопить его в болтовне, эту простую истину Ковалёв хорошо помнил⁷.

Именно эту мысль он и высказал Шурманову, когда совещание закончилось и остальные разошлись по своим делам. Шурманов задумчиво возвёл очи долу и глубокомысленно заявил, что на то Ковалёв и адмирал, чтобы решения принимать, а не грузить людей проблемами. Адмирал в ответ смачно плюнул и направился прочь, но спокойный голос Шурманова остановил его на полпути.

– Вась, ты можешь ответить на один вопрос?

– Да хоть на десять. – Ковалёв повернулся, подошёл к столу, плюхнулся на первый попавшийся стул и посмотрел на Шурманова. – Спрашивай.

– Почему ты зарубил кандидатуру Акылбекова?

– Который твой протеже? Да потому, что он казах.

⁷ Достаточно вспомнить Горбачёва. Хотя и без него примеров с избытком.

Шурманов удивлённо приподнял брови. Ковалёв усмехнулся:

– Видишь ли, Семёныч, я вообще против того, чтобы назначать выходцев из тех краёв офицерами. И вообще, я против того, чтобы вербовать из них кого-нибудь. Да, в своё время ты уговорил меня его взять. И с производством его в капитан-лейтенанты согласился, и старпомом на эсминец назначил. Я понимаю, что он сын твоего хорошего знакомого и что все мы тащим за собой в первую очередь своих, но это звание и эта должность – венец его карьеры.

– Почему? – Шурманов был спокоен, но видно было, что разговор становится ему неприятен.

– Семёныч, ты столкнулся в своей жизни едва ли не с единственным казаком, а я поработал в тех местах. Так вот, хочешь завалить дело – назначь начальником казаха. Исключения есть, конечно, но их не так много. Среди них есть грамотные, даже очень грамотные люди, но менталитет у них такой, что стал казах начальником – всё, вся контора будет состоять из его родственников, и плевать ему, что они откровенно не тянут, – всё, туши свет, сливай воду, понтов у него будет больше, чем мух на помойке. В результате только массу проблем огребём. Если же поставить его исполнителем, то, чувствуя палку на спине, он работать будет, но начальником, повторюсь, ему быть противопоказано. Я не хочу осложнений в дальнейшем, честно скажу, я вообще не хочу набирать ни казахов, ни таджиков, ни киргизов, ни прочих... Разве что самый минимум, в штурмовые роты. Я вообще предпочел бы мононациональные экипажи, хотя этого, конечно, не добиться. Не имею против них ничего личного, но менталитет экипажей, по моему мнению, должен быть единым.

– Некрасиво, но... логично, – подумав, кивнул Шурманов. – Хотя я бы всех под одну гребёнку не стриг.

– Я бы тоже, – пожал плечами Ковалев. – Рисковать только неохота. Один раз лопухнёшься – год разгребать придётся.

– Ладно, ты командир – тебе виднее. Ты уверен, что твой мальчик справится?

– А куда он денется? В первый поход пойду с ним сам, подстрахую малость, а потом пусть сам крутится, авторитет зарабатывает.

– На кой это тебе? Или действительно готовишь себе зятя-преемника?

– И это тоже, – вздохнул Ковалёв. – Честно тебе скажу, я бы лучше выпорол их обоих как следует, но, боюсь, не поможет. Похоже, у них и в самом деле любовь...

– Ну да, – проворчал Шурманов. – У них – любовь, а нам, родителям, только за голову хвататься и остаётся.

– Ну, маленькие детки – маленькие проблемки, большие дети – большой геморрой, – дипломатично ответил Ковалев.

Он прекрасно знал, что у самого Шурманова две дочери, обе неудачно вышли замуж и сидят с детьми на шее у отца. Шурманов к этому относился болезненно, и Ковалёв не хотел заострять внимание на семейных неурядицах.

– Ладно, – махнул рукой Шурманов. – Парнишка хоть и не из наших, но вроде неглупый. Глядишь – и выйдет толк. Только хоть убей – не пойму, почему ты так хочешь создать нового героя?

– Да потому, что нам очень желательно сейчас увеличить количество брендов.

– Чего? – Шурманов в изумлении уставился на адмирала. – Каких таких брендов?

– Да самых обычных, – пожал плечами адмирал. – Ты никогда не задумывался, что мы представляем в глазах врагов, да и в глазах своих же подчинённых? Нет? А зря. Мы сейчас не просто офицеры, мы – символы. Бренд – это ведь не только торговая марка, это и люди тоже. Ты послушай как-нибудь разговоры матросов, не отрывайся от коллектива – узнаешь много нового. Например, узнаешь, что там, где появляюсь я, – всегда победа...

– А разве не так?

– Не совсем. Где появляется мой... да и любой другой линкор – там действительно победа. Попробуй не победить, с нашими-то калибрами. Это, если честно, довольно сложно. Но вот меня теперь считают чуть ли не талисманом эскадры.

– И что в этом плохого? За тобой наши сейчас идут не раздумывая в огонь и в воду.

– Что плохого? Да то, что я сейчас оказался единственным таким брендом, и это может плохо кончиться.

– Ты что, белены объелся?

– Какой на фиг белены? Хочешь маленький исторический экскурс?

– Давай, попробуй...

– Помнишь, была такая Русско-японская война?

– Ну, была, и что с того?

– Был там такой адмирал Макаров. Может, помнишь?

– Да помню я, помню, это мы в школе ещё проходили. Ты по делу давай.

– А что по делу? Нам в те времена всегда говорили: вот, мол, прогрессивный адмирал, великий флотоводец, царское правительство зажимало... Помнишь?

– Помню.

– Так вот что интересно: зажимало, не зажимало, а безродный парнишка дорос до вице-адмирала. И должности занимал всегда неплохие. И кстати, его разработки в дело шли постоянно, а ведь не все они были удачными. Одни облегчённо-бронепробойные снаряды, от которых потом только проблемы были, чего стоят. И при этом наш великий флотоводец воевал всерьёз только в молодости, с турками, на допотопных катерах с шестовыми и ещё какими-то там минами. Спору нет, герой, но реально он был теоретиком, эскадрой в бою никогда не командовал, и в принципе насколько он был бы хорош – неясно. Но в него верили, это был бренд Российского флота, причём верили не только наши, но и враги. Вспомни, когда японцы на наш флот напали, какая была реакция? А простая: вот сейчас Степан Осипович приедет – ох уж он вам, макаки узкоглазые, наподдаст. И что самое смешное, японцы этого тоже всерьёз опасались. А потом что было? Может, и наподдал бы, может – и нет, но он погиб. И всё – у наших руки опустились, в победу всерьёз уже никто не верил. Поэтому, думаю, и проиграли в итоге. Понимаешь, к чему я?

– Кажется, да. Ты хочешь сказать, что, если сейчас с тобой что-нибудь случится...

– Именно. Это, конечно, катастрофой не будет, но жизнь вам весьма осложнит именно в силу морального воздействия. Поэтому я и хочу ещё несколько таких вот брендов, пусть рангом пониже – так, на всякий случай. Сам понимаешь, случаи разные бывают.

– Сам придумал или подсказал кто?

– Можно сказать, и подсказали. Помнишь Суворова? Считаю, он и подсказал. Он ведь успел не только воспитать учеников, Багратиона там, Кутузова, но и создал им имидж если не великих, то одарённых полководцев. Поэтому впоследствии было кому уделывать Наполеона – и солдаты за ними шли. Топал-паша⁸ был мудр...

– Короче говоря, создаёшь ты Синицыну серьёзный имидж... А почему именно ему?

– Не всё ли равно кому? Этот хотя бы не дурак, а то есть тут у нас некоторые... С лучеёмётами вместо мозгов, им силовая рапира соображаловку заменяет. Да и показал себя парень очень неплохо. Будет в качестве пробного шара, получится – тогда уже других натаскать будет легче.

– Ну-ну, – с сомнением пожал плечами Шурманов. – Попробуй, чего уж там. Хуже не будет.

– Не будет, – кивнул адмирал, вставая. – Ладно, Семёныч, я пошёл – работы много...

⁸ Так Суворова называли турки.

Глава 4

Банг! Банг! Ба-банг!

Ковалёв с ехидной усмешкой оглядел своих офицеров:

– Полагаю, это достаточное основание для того, чтобы не тратить время на бессмысленные переговоры. Главному калибру: огонь на поражение!

А ведь так хорошо всё начиналось...

Первый выход рейд-эскадры дальнего поиска был проведён без помпы – просто однажды три эсминца, линкор и корабль обеспечения снялись с парковочных орбит и растворились в глубинах космоса, взяв курс на район, где, если верить старым картам, располагалось сразу четыре имперские базы – две военные, пограничная и база обеспечения. Кроме того, по непроверенным данным, в том же квадрате располагался узел дальней космической связи, но точной информации об этом, к сожалению, не было даже в адмиральском сейфе. В принципе корабль обеспечения был не нужен, все цели находились в пределах радиуса действия даже эсминцев, не говоря уже об имеющем значительно большую автономность линкоре, но задачей в данном случае был не только и даже не столько поиск, сколько отработка тактики действия при проведении этого поиска. Так что транспортный корабль, нагруженный под завязку и напоминающий советский магазин «Тысяча мелочей», неспешно ковлял в составе эскадры, сильно замедляя её скорость, чем вызывал бурю негативных эмоций у её молодого командира. Остальные капитаны эсминцев, тоже молодые и не менее энергичные, молчаливо поддерживали своего облечённого властью товарища, но сделать ничего не могли – любая эскадра всегда равняется «по последнему».

Ковалёв лишь посмеивался в усы, которые он отпустил перед походом, заявив, что сбреет, только когда вернётся. Это чтобы Дайяну подразнить, а то уж совсем обнаглела – вообразила, что может мужчиной командовать, что тот делать должен, сколько пива имеет право выпить и во сколько обязан домой возвращаться. Ну и усы она тоже терпеть не могла.

Неспешностью движения Ковалёв был доволен. Он специально выбрал не самый быстрый из транспортов, чтобы затянуть дорогу, – опасался, что молодой и горячий кап-три на радостях от свалившихся на него возможностей и оказанного доверия рванёт подвиги совершать, а ведь подвиг одного – это почти всегда следствие ошибки другого. Или своей собственной, но от этого не легче. Так что незачем торопиться, пусть с Синицына по пути немножко запал сойдёт, и тогда к моменту начала операции он будет куда более собран и аккуратен. Воспитательный момент, так сказать.

Несмотря на возмущение Синицына медлительностью транспорта, в точку базовой стоянки прибыли чётко по графику. В окрестностях неприметного красного карлика не было ничего, что могло бы привлечь внимание, – его система для жизни оказалась совершенно непригодна. Три газовых гиганта, вокруг которых вертелись их спутники, представляющие собой банальные каменные глыбы-переростки, лишённые даже намёка на атмосферу, для колонизации были абсолютно бесполезны, а вот организовать там временный лагерь можно было вполне. Главное, что отсюда было удобно добираться до любой из имперских баз, а сами корабли было трудно обнаружить. Зато появление чужака, наоборот, выявлялось легко – локаторы старого линкора обшаривали систему, практически лишённую таких массивных природных образований, как астероиды, без малейших усилий.

Вообще – идеальное место для испытания тактики действия эскадры лёгких сил. По сути, эсминцы – корабли неплохие, но не слишком универсальные. Огневая мощь у них хоть и велика, но однозначного преимущества перед кораблями тех же адеров не даёт. Да и корабли человеческих псевдогосударств, собравшись толпой, могут изрядно попортить крови одиночному кораблю такого класса. Бронирование эсминцев тоже далеко от идеала.

Скорость, правда, хорошая, но радиус действия не так уж велик. Словом, эскадра, состоящая из одних эсминцев, довольно уязвима – у них ведь изначально другое предназначение. Требовалось придать им что-то, что обеспечило бы соединению устойчивость.

Для этих целей Ковалёв и планировал использовать линкоры и линейные крейсера, придавая рейд-эскадре на каждый поиск какой-нибудь из кораблей этого класса. Ну а чтобы не жечь зря топливо да не расходовать непонятно на что ресурс двигателей, организовывать временные базы. То есть корабль обеспечения шёл с эскадрой, потом занимал выгодную позицию и ожидал возвращения эсминцев, линкор же (а в перспективе и авианосец) дрейфовал рядом, охраняя его и обеспечивая эсминцам пути отступления. В случае опасности эсминцы должны были отступать к базе, под защиту тяжёлых орудий линейного корабля, а дальше – по ситуации. Такая концепция – простая и теоретически эффективная. Теперь предстояло опробовать эту идею на практике, для чего Ковалёв и отправился с эскадрой.

Как и предполагалось, линкор и транспортный корабль остались в системе, расположившись на орбите самой крупной планеты, а эсминцы ушли на разведку. Первую базу, расположенную на крупной космической станции вне звёздных систем, они нашли без проблем, но ничего интересного на ней не оказалось. Очевидно, когда военные поняли, что их ожидает, они просто-напросто погрузились на корабли, аккуратно законсервировали базу и отбыли в неизвестном направлении.

Сама база, конечно, была почти в идеальном состоянии – реакторы, работающие едва на одну десятую мощности, только на поддержку механизмов самотестирования и авторемонта, практически не выработали ресурс. Даже топлива в бункерах должно было хватить ещё как минимум лет на триста. Сохранилось всё, даже продукты в огромных холодильниках были в полной пригодности. Огромный плюс расположения вне систем – базу никто не нашёл, да и, похоже, не искал.

Вот только не было на ней ничего интересного. База и база – здоровенная бочка с тщательно простерилизованным воздухом, несколькими ангарами для звездолётов, сейчас пустыми, внешними причалами и неплохим вооружением. С практической точки зрения почти что ноль, так как, даже если на неё вновь ввести гарнизон, сама по себе она не нужна, ибо для неё нет задач, которые она бы здесь решала. Раньше – да, были, хотя и неясно какие, однако империя редко делала что-то из любви к искусству, имперцы, особенно имперские военные, были людьми практичными. Перегонять её в другое место – слишком сложная операция. С точки зрения оборудования – на ней можно было делать лишь текущий ремонт кораблей классом не выше корвета, а для небольшого ремонта всякой мелочи и без этой базы других точек уже достаточно наклепали. Словом, задраили её по новой и оставили в покое – может быть, когда-нибудь пригодится.

Вторую базу, и тоже военную, нашли так же быстро – она располагалась не в открытом космосе, а в системе небольшого белого карлика, не слишком-то переполненной планетами и астероидами, на орбите одной из планет. Меры по маскировке базы были скорее формальностью. Очевидно, это её экипаж и подвело.

На записи, которую позже просмотрел Ковалёв, приближение воинствующих эсминцев представляло воистину эпическое зрелище, что уж говорить о том, как это смотрелось вживую, да ещё и с небольшого расстояния, на что взирали бывшие на мостиках офицеры базы.

Эта база, как и предыдущая, располагалась на космической станции, только по размеру была впятеро больше, вдесятеро лучше защищена и в тысячу раз более сложным сооружением. Тем уважительнее стоило отнестись к тем, кто сумел её раздолбать, – как минимум, они имели возможности, равные имперским.

Развитие боя было в принципе ясно: сначала велась артиллерийская дуэль, в которой нападавшие понесли потери. Во всяком случае, многочисленные, хотя и не поддающиеся идентификации после ударов имперских орудий обломки всё ещё вращались на своих орби-

тах. С учётом того, что часть из них наверняка улетела в космос, а ещё часть неизбежно должна была упасть на поверхность планеты, растворившись в покрывающих её континенты сплошных зелёных джунглях или утонув в океанах, первоначально количество обломков, а значит, и повреждённых, а скорее всего, разрушенных вражеских кораблей, было впечатляющим.

Однако, судя по всему, силовое поле станции было всё-таки пробито либо перегружено до состояния саморазрушения: когда разведчики спустились в генераторный зал, все генераторы силового поля представляли собой груды оплавленного металла. Кто бы ни атаковал станцию, совокупная мощь его орудий должна была быть очень велика – станции такого класса защищались силовыми полями, как минимум соответствующими уровню линейного корабля, а чаще всего даже более мощными.

Далее события развивались по вполне предсказуемому сценарию. Лишившаяся силовых полей станция превращалась в гигантскую неподвижную мишень. Тактика в таком случае предписывала или покинуть её и спастись, или сдаваться на милость победителя. Спастись, похоже, практически никто не пожелал – во всяком случае, из почти сотни спасательных капсул, находившихся в аварийных стартовых узлах, стартовали только две, остальные были на месте, причём сохранились отлично, были исправны и заправлены топливом. До поверхности планеты они своих хозяев доставить были способны.

Трудно сказать, пыталась станция сдаться или нет, а может, просто её капитуляцию не приняли, но бой продолжился. Вполне возможно, орудия базы действовали ещё какое-то время, но потом в борту станции чем-то очень мощным проделали дыру таких размеров, что все, кто это увидел, не сговариваясь, охнули.

Впрочем, гигантская пробоина была не одинока – вся внешняя полусфера станции была усеяна дырками поменьше, размерами от нескольких миллиметров до гаражных ворот. Очевидно, когда исчезло силовое поле, станцию долбили из всего подряд, а потом, окончательно подавив артиллерию, высадили штурмовые группы, которые и произвели зачистку.

Разведчики, пройдя по коридорам станции, обнаружили в её центре, бронированном ядре, следы жестокого боя и множество трупов людей в скафандрах – и тяжёлых десантных, и обычных рабочих, прошиваемых насквозь не только из лучемётов, но и просто летящим куском арматуры. Вероятно, здесь собрались все, кто уцелел после обстрела станции, и приняли последний бой, отчаянный и безнадежный. Тела в вакууме отлично сохранились и придавали картине боя сюрреалистический и даже какой-то гротескный вид.

С базы разведчики выбрались, подавленные увиденным. Большая, хорошо вооружённая и отлично защищённая база – и вдруг уничтожена. Даже эскадре Ковалёва, собери он в кулак все четыре, а точнее, уже пять имеющихся у него линейных кораблей, сделать подобное было бы достаточно сложно. К тому же не нашли ни одного трупа нападавших – то ли их победители забрали с собой, то ли убитых просто не было. В последнее, правда, верилось с трудом, потому как при штурме укрепленного объекта со сложной конфигурацией и многочисленными коммуникациями, дающими пространство для манёвра силами, обойтись совсем без потерь, даже имея подавляющее преимущество, практически невозможно.

Людей было жалко, станцию – тоже. Такая станция как раз могла бы пригодиться – она ведь была не только космической казармой для сил быстрого реагирования, как первая, но и складом, сейчас сгоревшим, приличных размеров доком, предназначенным для ремонта кораблей всех классов, причальным комплексом, способным служить орбитальным терминалом, и ещё много чем по мелочи. Система предназначалась для колонизации, две пригодные для жизни планеты возле одной звезды – большая редкость, обычно приходилось проводить мероприятия для адаптации планет под человеческий организм, как называли это земные фантасты, терраформирование.

Чуть-чуть подсластил пилюлю полуразрушенный док – в нём обнаружился самый настоящий корабль, причём не какой-нибудь транспорт, а полноценный линейный крейсер типа «Странник». Корабль вполне приличный, одного поколения с «Громовой звездой», имеющий увеличенный радиус действия и предназначенный для дальней разведки за пределами исследованной части галактики. Ясно было и почему он оказался в доке – в борту его была дыра, и в корабле явно велись ремонтные работы, два двигателя из четырёх были извлечены. Дыра, судя по всему, тоже была от попадания чего-то очень мощного, послабее имперской торпеды, но вполне сравнимого со снарядом главного калибра имперского же линкора. Странно, что такой корабль остался в доке, когда начался бой, даже с такими повреждениями он мог натворить дел, хотя... Если атака была внезапной, то в момент начала боя он был в доке, выйти из которого – дело непростое, не на пять минут. Потом стартовать стало просто некогда, под обстрелом защитное поле снимать нельзя. А когда начался штурм станции, док был уже практически разрушен и разгерметизирован, и мёртвый корабль не привлёк внимания. Если же ещё и реакторы корабля во время ремонта были заглушены, то выбраться из дока и принять участие в бою он просто физически не мог, зато и потом, лишённый источников энергии, не был виден для сканеров в этой гряде обломков.

Такой корабль, конечно, ценная находка. Можно сказать, ценнейшая. Даже если его не удастся восстановить, то на запчасти пойдёт. Однако общее впечатление от увиденного было гнетущее, и потому Сеницын всерьёз задумался над тем, стоит ли продолжать поиск или лучше вызвать на помощь линкор и дальше двигаться под прикрытием его орудий. По здравом размышлении он решил продолжить поиск самостоятельно, поскольку то, что произошло здесь, явно имело место сотни лет назад, а потому сейчас опасности представлять вроде бы не могло.

На всякий случай он принял решение обследовать планеты системы – всё-таки две спасательные капсулы от базы ушли, и уйти они могли только в направлении планет. Конечно, спустя столько времени живых там наверняка уже не осталось, но, возможно, удалось бы найти документы, проливающие свет на происшедшее, – вахтенного журнала на базе так и не нашли, а электронные носители информации были разрушены буйством электромагнитных полей во время боя и самим временем.

Поиск, что логично, начали с планеты, на орбите которой располагалась база, однако капсул не обнаружили. В принципе маяки, которыми оснащалась каждая капсула, должны были проработать всё это время без ущерба для себя, запас прочности у них был огромным, поэтому предприятие совсем уж безнадёжным не выглядело. Однако сканирование планеты с кораблей результатов не принесло, и эсминцы отправились к следующей планете. И нарвались.

Навстречу им из атмосферы вырвались два десятка кораблей размером с крейсер, невиданной ранее каплевидной формы. В информатории данных о таких кораблях не было, на корабли адеров, единственных, кого имперцы реально опасались, они не были похожи, однако, когда Сеницын, на всякий случай чуть изменив курс, послал им запрос на общемперском, эти корабли немедленно открыли огонь. Первое же попадание погасило щиты на флагманском эсминце, и имперские корабли, развернувшись, со всех ног рванули прочь.

Однако неожиданный противник оставить имперские корабли в покое не пожелал. Вполне разумно, кстати, потому что, упусти одного разведчика, – сразу же следом набегут другие. Логика вполне человеческая, только от этого было не легче.

Эсминцы уходили на предельной скорости, форсируя двигатели, а преследователи не отставали – похоже, их ходовые характеристики были аналогичны возможностям имперских кораблей. Хорошо ещё, Сеницын вовремя дал команду на отступление и оказался вне досягаемости их орудий, прежде чем они набрали ход, – разгонялись корабли противника всё-таки медленнее. Конечно, можно было бы попытаться покачать права на тему «кто здесь

самый главный папа», но при соотношении один к семи и сравнимом вооружении сторон это смотрелось как-то несерьёзно и результаты перестрелки выглядели крайне предсказуемо. Это если не считать того, что на планете, кроме этих кораблей, могли найтись и ещё в неизвестном количестве.

В общем, имперские корабли бодро драпали, чего с эскадрой Ковалёва не случилось ещё ни разу. А противник, так и не идентифицированный, ожесточённо преследовал. Возможно, рвани Синицын в сторону густонаселённых планет, до которых было не так уж и далеко – на такой скорости не более полутора суток, преследователи и отстали бы, но не факт. Однако он упорно держал курс прочь от человеческих миров, поэтому мысли о том, что «было бы», относились скорее к разряду теоретических. А может, преследователи Синицына разбирались в спектре выхлопа двигателей земных кораблей, и на них как красная тряпка на быка действовали явные признаки их перегрева – издержки движения на форсаже. К счастью, имперские корабли вообще и их двигатели в частности строились с огромным запасом прочности, поэтому Синицын смог держать ход своих кораблей сутки. А больше ему и не требовалось.

Со стороны его манёвр в сторону необитаемой системы и последующий разворот в направлении одного из газовых гигантов смотрелся как жалкая попытка отчаявшегося человека спрятаться в этой совершенно непригодной для таких игр системе или хотя бы за счёт вынужденного для обеих сторон снижения скорости из-за внутрисистемных манёвров дать отдых перегруженным двигателям. Возможно, преследователи тоже так подумали или просто поддались азарту – сказать точно потом было уже невозможно. Однако свою ошибку они наверняка поняли как раз в тот момент, когда, обогнув планету, обнаружили линкор, который в знак приветствия дал по их кораблям салют всем бортом. В упор.

Глава 5

Надо сказать, что до самого последнего момента на мостике линкора не утихал спор о том, разносить ли непрошенных гостей на запчасти сразу, или вначале стоит впечатлить их мощью орудий флагманского корабля, а потом попытаться вступить в переговоры. Большинство офицеров было за то, чтобы попытаться, благо орудия линкора и не таких делали сговорчивыми, однако Ковалёв, ставший после своего последнего контакта с представителем другой цивилизации чертовски недоверчивым, горой стоял за то, чтобы сразу открыть огонь, а потом вдоволь поизучать обломки – спокойно, вдумчиво и без всякого риска.

Спор решили сами неизвестные корабли, открывшие огонь, как только увидели линкор. Ответ был адекватным – главным калибром на поражение. Результат оказался предсказуем – против артиллерии линкора защита кораблей противника не плясала.

Вообще-то конструкция космических кораблей весьма отличается от кораблей морских. Отличается – это мягко сказано, от «корабля» остаётся, по сути, одно название, да и то в качестве дани традиции. Это относится абсолютно ко всему, в том числе и к расположению артиллерии.

Практически вся огневая мощь боевого космического корабля ориентирована на его носовую полусферу, – последнее в классических земных морских кораблях, конечно, тоже встречается, но достаточно редко⁹. У морского линкора максимум огневой мощи приходится на бортовой залп, у космического – на фронтальный, хотя, конечно, орудий больше по борту. Только орудия эти в основном лёгкие, а главный калибр больше работает по курсу, поэтому встретить противника бортовым залпом было не самым лучшим решением. Увы, выбирать особо не приходилось – корабли, преследовавшие имперские эсминцы, в последний момент совершили поворот и вышли из-за планеты совсем не там, где их ждали. Линкор же развернуть не так-то просто – миллионы тонн брони и механизмов обладают завидной инерцией. Впрочем, бортовой залп «Громовой звезды» тоже оказался более чем внушительным.

Корабли противника шли строем «пирамида». Классический строй, его и имперские корабли применяли, и многие флоты иных цивилизаций. Пять пирамид по четыре корабля, один – на острие, остальные прикрывают и поддерживают огнём. После залпа «Громовой звезды» пирамид осталось четыре – та, которая располагалась в центре боевого порядка вражеской эскадры, просто исчезла, орудия линкора превратили четыре не самых маленьких корабля в облачка слабо светящегося газа.

Неизвестные корабли проявили похвальную манёвренность, а те, кто ими управлял, – отменную сообразительность и скорость реакции. Вместо того чтобы драться с бронированным мастодонтом, внезапно объявившимся на их пути, они, не теряя строя внутри пирамид, совершенно синхронно развернулись, причём сделали это настолько быстро, что второй залп линкора пропал даром. Однако уклониться от удара – не значило спастись, и вот тут-то они допустили ошибку, рванув назад, к материнской (или какой там ещё) планете.

Внутри системы, пользуясь своей манёвренностью и превосходством в динамике разгона, эти корабли могли бы достаточно долго уклоняться от атак могучего, но неповоротливого из-за колоссальной массы линейного корабля. Такая тактика давала шанс хоть кому-то из них спастись, пока остальные отвлекают имперские корабли, однако чужие корабли рванули в открытый космос, да ещё всей эскадрой, удерживая строй. А там линкор, хотя и не мог разогнаться так же быстро, в максимальной скорости заметно превосходил малые

⁹ Пожалуй, более-менее полноценно такое решение было реализовано только на французских линкорах и линейных крейсерах времён Второй мировой войны.

корабли¹⁰. К тому же ему не надо было бояться таких естественных преград, как пылевые и газовые облака, которыми был богат сектор. Лёгким кораблям приходилось маневрировать, уклоняясь от встреч со скоплениями космической пыли, линкор же, благодаря мощным силовым полям, продирался сквозь них, не замечая препятствия. Более крупные преграды, такие как метеорные рои или астероиды, конечно, были опаснее, но они и встречались куда реже. Во всяком случае, пока что имперцам в этом районе не попалось ни одного, хотя, естественно, наблюдение за космосом в целях обнаружения потенциально опасных объектов велось непрерывно.

Эсминцы, бросившиеся было следом за линкором, были остановлены повелительным голосом адмирала. В самом деле, уступая кораблям противника в скорости, они только связывали бы линкор, да и двигатели их требовали уже профилактики. Сутки на форсаже – это вам не кофе выпить. К тому же не следовало оставлять транспорт без охраны. В общем, два эсминца должны были подтянуться позже, благо, куда держать курс, было известно, два других – при любых раскладах охранять корабль снабжения. И имперский линкор один пошёл за улепётывающим противником.

Ситуация была прямо противоположной той, которая складывалась совсем недавно. Сейчас уже неизвестные корабли вынуждены были бежать и уже у их двигателей всё заметнее были признаки перегрева – похоже, как раньше имперские эсминцы, чужие корабли шли на форсаже. Разница была в том, что линкор мог настичь в любой момент, однако Ковалёв не торопился. Зачем? Всё равно конечная точка маршрута известна, а так – шарахнутся в стороны, разбегутся, лови их потом. Проще раздавить всех сразу, прямо на месте.

Преследуемые, похоже, тоже это поняли – отклонились от курса, пытаясь увести линкор за собой. Смело. Ковалёв на провокации не поддался, продолжая держать курс на систему, в которой произошла драка. Противник вновь лёг на прежний курс, однако ненадолго – очень скоро вражеские корабли развернулись и атаковали линкор.

Ну, с атакой они, конечно, погорячились – то, что было смертельно опасно для эсминца и вполне могло покалечить крейсер, для линкора не страшнее, чем дробь для медведя. Сосредоточенный залп шестнадцати кораблей лишь встряхнул линкор, зато ответный удар спалил ещё восемь кораблей противника – ровно половину атакующих. Остальные вновь ринулись прочь, но два корабля не успели выйти из зоны поражения и разделили судьбу своих товарищей – одного разнесло в пыль, второго задело уже на излёте, превратив в раскалённый добела слиток металла.

Похоже, опыта боя с имперскими кораблями противник не имел – отчаянно смелая атака была организована, мягко говоря, не слишком умно. Пытаться поразить корабль такого класса в лоб, там, где наибольшая концентрация огневых точек, равносильна самоубийству, которое в принципе и произошло. Линкор просто смёл пытающихся остановить его храбрецов, хотя, конечно, такая готовность к самопожертвованию не могла не вызвать уважения. Но уважение уважением, а война войной, поэтому преследование прекращать Ковалёв не собирался. Единственное, чего он опасался, так это нарваться в системе на засаду из сотни таких вот корабликов, однако по здравом размышлении решил, что шансы на такой поворот минимальны. Во-первых, будь у противника столько кораблей, они бы расстреляли имперские эсминцы сразу же, а не сидели до последнего в засаде, маскируясь атмосферой планеты, в надежде, что имперские корабли пройдут мимо. А во-вторых, они бы не пытались отвести угрозу от планеты ценой собственной жизни, если бы знали, что впереди их ждёт помощь.

¹⁰ Справедливо и для морских военных кораблей. Так, скорость современного эсминца – в пределах 30 узлов, скорость устаревших американских линкоров – свыше 32 узлов. Это, разумеется, связано в основном с тактикой применения этих кораблей и изменившимися со времён Второй мировой войны задачами, но факт остаётся фактом.

Гонка продолжалась не так уж и долго – заметно меньше, чем потребовалось кораблям противника, чтобы добраться до системы, где они влетели в импровизированную, но от этого не менее эффективную засаду. Впрочем, они, по понятным причинам, торопились сейчас намного больше. Однако, как оказалось, кое-какие сюрпризы имперский линкор всё же ждали, и начались они сразу же после того, как он приблизился к планете, с которой взлетели атаковавшие эсминцы чужие корабли.

То, что навстречу линкору выдвинулись ещё два десятка кораблей того же класса, какие он только что обратил в бегство, ни Ковалёва, ни и его офицеров ничуть не удивило и уж тем более не испугало. И что бой предстоял в системе, где у противника были все преимущества в манёвренности, тоже не смертельно – силовая защита линкора была достаточно мощной, чтобы не оставить противнику реального шанса уничтожить или повредить имперский корабль. Но то, что навстречу линкору из глубины системы внушительными тёмными тенями начали выдвигаться два корабля, сравнимые с ним по массе и габаритам, заставило Ковалёва настроиться и пересмотреть решение о немедленной и решительной атаке.

Год назад свежеепечённый адмирал со всем задором дорвавшегося до большой дубинки дикаря, убеждённый в неуязвимости имперских кораблей и всепокрушающей мощи их орудий, скомандовал бы атаку, даже не задумываясь над тем, кого он видит перед собой. Полгода назад он бы три раза подумал, а потом всё равно бы атаковал. Сейчас Ковалёв скомандовал отступление – опыт, полученный собственными кровью и потом, привил ему чувство здоровой осторожности, поэтому бросаться очертя голову на неизвестного противника он не собирался. Он приказал замедлить ход, и вскоре его линкор лёг в дрейф неподалеку от системы – так, чтобы иметь возможность наблюдать за ней и в то же время в случае чего дать дёру.

Наблюдать-то смогли, вот только увиденное не радовало. Те две дуры, которые имперцы засекли, при ближайшем рассмотрении превратились в четыре – два других корабля, как оказалось, были до поры скрыты звездой. Все четыре, судя по их уверенным, но неспешным манёврам, представляли собой то ли не очень большие и тихоходные, но отлично защищённые линкоры, то ли мониторы-переростки. И то и другое, если вдуматься, в орбитальных боях одинаково хреново. С учётом того, что оружие каплевидных крейсеров (а корабли, с которыми пришлось иметь дело, безо всяких натяжек можно было отнести к этому классу) оказалось вполне сравнимым с имперскими аналогами, от обороняющих систему линкоров, пусть и небольших, можно было ожидать любой пакости.

Ковалёв с мрачной усмешкой оглядел собравшихся на мостике офицеров:

– Ну что, господа, какие будут идеи?

– Атаковать...

Ответ прозвучал как будто единым выдохом – редкостное единодушие. Адмирал с тоской подумал, что пси-блокировка, даже в ослабленном варианте, всё равно в некоторых аспектах тормозит человеческое мышление. В самом деле, как развивается ситуация с формальной точки зрения? Да банально! Имперские корабли, находясь на имперской же территории (то, что эту систему ни один имперский корабль не посещал уже несколько столетий, роли в данном случае не играло), были атакованы кораблями неизвестной цивилизации. Более того, эта самая цивилизация расположилась на принадлежавшей империи планете и не только не собирается её отдавать, но и при приближении имперского линкора вывела в космос тяжёлые боевые корабли. Интересно, кстати, где они до того прятали этих монстриков? Синицын о них ничего не докладывал – значит, не обнаружил. А считать командира эскадры дальнего поиска некомпетентным и неспособным обнаружить цели таких размеров было по меньшей мере глупо. В такой ситуации нормальной реакцией для человека с психодировкой было уничтожение наглых захватчиков, что и намерены были сделать офицеры. Однако всё-таки живости мысли им сейчас явно не хватало – сунувшись в систему и ввязавшись в бой,

«Грозовая звезда» рисковала как минимум получить хороших плюх. Ковалёв сильно сомневался в способности одного своего линкора навалить всем подряд. И как назло, расстояние до базы было достаточно велико, чтобы не давать эффективно использовать дальнюю космическую связь, а буй-ретранслятор никто выставить не догадался. Ошибка, которая могла дорого обойтись.

Ещё Ковалева очень сильно напрягал простенький вопрос: почему, имея в загашнике такие силы, неизвестные всё же тянули до самого конца? Уничтожить корабли-разведчики было не так уж и сложно. Или, может, боялись, что на помощь пропавшим эсминцам в гости к ним заявится что-то большое и тяжёлое? Так оно и без этого в конце концов заявилось – в лице имперского линкора. Нелогично это было.

Радовало в сложившейся ситуации, пожалуй, только то, что противник явно был намерен придерживаться оборонительной тактики – похоже, там прекрасно понимали, что вряд ли сумеют догнать имперский линкор, вздумай он уйти. Да и драться с ним в открытом бою никого явно особо не тянуло – преподнесённый вражеским крейсерам урок был жесток и нагляден. Обе стороны занимали сейчас выжидательную позицию – самую, пожалуй, логичную в условиях, когда ничего не можешь изменить.

Ковалёв думал недолго. Решением, принятым единолично, было ждать. Пройдут сутки (а в том, что Синицын сумеет провести профилактику двигателей своих эсминцев в рекордно короткие сроки, адмирал не сомневался), максимум двое – и подтянутся пара эсминцев, а это корабли, которые можно использовать в качестве курьерских. Эсминцы выйдут в зону действия любого ретранслятора, свяжутся с базой, а дальше – всё, никаких проблем. Стратегическая инициатива моментально окажется в руках имперцев. Конечно, можно было и сейчас начать разносить тут всё вдребезги – пройти, например, на большой скорости, чтобы перехватить не успели, мимо системы, да и дать пару-тройку залпов – этого достаточно, чтобы расковырять вражескую планету до мантии, но уж слишком не хотелось. Куда больше Ковалёву хотелось разобраться, что произошло в этой системе во времена краха империи, кто и когда сюда пришёл, почему не пытались разграбить разрушенную базу, на которой даже сейчас, спустя века, можно было найти немало интересного. Да и трофеями кое-какими наверняка можно было разжиться – как-никак, не обмылков каких-то опускаться планируется, а громить планету высокоразвитой цивилизации, это понимать надо. Грабить надо тех, у кого есть что взять...

Почти трое суток линкор висел в окрестностях системы, наблюдая за происходящим. Ковалёв уже начал нервничать, тем более что связи с эсминцами не было. Обычно на такой дистанции мощные станции имперских кораблей без проблем добивают до адресата, обеспечивая вполне устойчивую связь, однако в этом районе космос прямо-таки изобилует гравитационными аномалиями – мелкими, ни на что особо не влияющими и из общей картины выпадающими только их избыточной концентрацией на кубический парсек. Вот эта куча аномалий и сбивала связь, из-за чего и пришлось эсминцам не так давно устраивать грандиозный драп и напрягать двигатели столько времени, вместо того чтобы просто вызвать помощь. Теперь же беспокоиться приходилось Ковалёву.

К счастью, ничего страшного не произошло – просто эсминцы слишком долго вынуждены были заниматься профилактикой двигателей. Перегрузка оказалась более чем серьёзной, двигатели были капитально перегреты, поэтому прежде, чем ими смогли заняться, прошло несколько часов, а потом понадобилось дополнительное время на устранение неполадок. Кроме того, Синицын, что вполне логично, предпочёл, пока корабль снабжения под боком, заодно уж провести бункеровку своих кораблей. Да и шёл он сюда дольше, чем мчался отсюда, – не напрягал зря двигатели. Всё верно, никто ведь теперь за ним не гнался, пытаясь поджарить.

Эсминцы пробыли с линкором совсем недолго – Ковалёв почти сразу передал Синицыну приказ двигаться к базе за помощью. Молодой офицер характер проявлять не стал – прекрасно понял, что зря такой приказ не отдадут и обижаться тут не на что, поэтому эсминцы незамедлительно устремились за помощью. От системы, правда, выдвинулись крейсера – рассчитывали, очевидно, перехватить курьеров, однако шансы их изначально были ничтожными, такое действие походило, скорее, на жест отчаяния. Линкор тут же дал по ним залп поперек курса – на такой дистанции огонь его орудий вряд ли мог быть эффективен, это был просто намёк, который был понят совершенно правильно.

Через неделю нудного висения в космосе к Ковалёву подошла наконец поддержка. Шурманов на сей раз решил не мелочиться – привёл с собой все четыре имеющихся на базе корабля линейного класса, благо и броненосец как раз тоже был под рукой, Землю охраняла крейсерская эскадра. Кроме того, явились два авианосца и монитор. Через несколько часов ударный флот вошёл в изготавившуюся к обороне систему.

Глава 6

Имперские корабли входили в систему медленно, не торопясь, с осознанием своей силы. Если честно, то основным здесь была даже не демонстрация могущества, а банальная осторожность – мало ли какие сюрпризы могут попасться на пути? Однако со стороны это выглядело так, будто имперцы просто растягивают удовольствие от предстоящей бойни.

Линкоры шли строем фронта, в центре – «Империя», остальные – вокруг неё, крестом. Авианосцы остались за пределами системы, готовые в любой момент поднять штурмовики и истребители, там же остался монитор. Последний нёс сверхтяжёлые, хотя и немногочисленные орудия, по сравнению с которыми даже вооружение такого гиганта, как «Империя», было не слишком впечатляющим. Однако его задачей было не сражение в системе, а огневая поддержка своей эскадры с дальней дистанции, поэтому монитор и остался при авианосцах, прикрытый их истребителями и сам прикрывающий их своей артиллерией.

Сложно было предположить, что такое масштабное действие окажется незамеченным. Защитники системы даже не пытались сделать вид, что ничего не видят, – напротив, их корабли начали стягиваться навстречу имперской эскадре немедленно – очевидно, их системы обнаружения были как минимум не хуже имперских. Все четыре тяжёлых корабля заняли позицию между имперским флотом и своей планетой – в трусости их командиров упрекнуть было трудно. Однако было непонятно: то ли они надеются на броню своих кораблей, то ли просто не имеют опыта серьёзных боёв. Во встречном бою шансы имперских линкоров выглядели предпочтительнее, хотя, конечно, всё это было пока не более чем предположениями – реальных данных о том, какие сюрпризы могут преподнести вражеские линкоры, у Ковалёва не было.

Впрочем, противник, похоже, тоже оценивал возможности имперских кораблей весьма приблизительно. Их тяжёлые корабли также располагались строем фронта, что было, мягко говоря, весьма самонадеянно. На флангах они расположили лёгкие корабли – те, что имперцы окрестили «крейсерами», причём разместили их практически равномерно. Глупостью это было несусветной – сконцентрировав удар всех лёгких кораблей на одном линкоре, противник имел ещё шанс пробить его защиту и нанести какому-либо из имперских кораблей серьёзные повреждения, но равномерно распределённая огневая мощь в такой ситуации... Это было неумно как минимум, особенно с учётом того, что внутри планетарной системы быстро не перестроиться.

Внимательно посмотрев на строй вражеских кораблей, Ковалёв отдал приказ о начале манёвра. Эскадра сместилась чуть влево, потом чуть вправо... Противник зеркально отражал её движения, стремясь держаться между имперскими кораблями и планетой. Так... А если на этом сыграть?

Имперские корабли, продолжая хаотично смещаться относительно фокуса атаки, начали плавно, почти незаметно постороннему взгляду перестраиваться, увеличивая дистанцию между собой. Аккуратно так, по чуть-чуть. Противник начал делать то же самое, вот только кораблей у него было меньше. В принципе другого варианта у них и не было – в противном случае имперские корабли фактически могли начать охват эскадры обороняющихся с флангов и, главное, имели шанс прорваться к их планете, минуя флот её защитников. Ещё час такого маневрирования – и вместо монолитного строя перед кораблями Ковалёва образовалась дырявая сеть. Ну, вот в принципе и всё – не сделав пока что ни единого выстрела, имперская эскадра уже разорвала строй противника, и перехватить прорывающиеся к планете корабли в случае массивной атаки противник уже не успевал. Тактика обязывала теперь начинать артиллерийский обстрел из всего, что было под рукой, включая орудия прочно угнездившегося на заднем плане монитора. Ну а когда противник начнёт метаться,

не понимая, что делать и за что хвататься, решительно атаковать. По предварительным прикидкам, получалось, что долго обороняющиеся не продержатся – имперские корабли как раз отлично приспособлены для охоты за такими вот мечущимися целями. Бой должен был моментально превратиться в стрельбу по движущимся мишеням.

Однако что-то Ковалёва удерживало от такой вот простой и логичной развязки. Может, то, что по нему пока что никто не стрелял, хотя он наверняка находился в пределах досягаемости вражеских орудий, как, впрочем, и они – в пределах досягаемости его артиллерии. А может, то, что корабли противника с относительно близкого, позволяющего уверенно различать детали расстояния выглядели смутно знакомыми... Ага, вот она, мысль, которая постоянно вертелась на задворках сознания.

– Группе наблюдения. Вывести изображение их кораблей на мой персональный экран. Оставить изображение номер три. Увеличить. Ещё немного. Больше не можете? Хрен с вами. – И находящемуся здесь же Сотникову: – Сергей, тебе это ничего не напоминает? Ну, напрягись, напрягись, подумай...

– Что-то знакомое. – Сотников задумчиво почесал затылок. – Совсем не похоже на те крейсера, которые гнались за нашими эсминцами. Точнее, есть какое-то отдалённое сходство, но не более. А так – не пойму...

– Смотри сюда. – Ковалёв жестом фокусника переключил режим, вывел на дисплей второе изображение, разместил оба рядом. – Теперь замечаешь сходство?

– Ну да, это же... Стоп, но как?

– А я откуда знаю? Всё страньше и страньше, как говаривала Алиса... Ой, не нравится мне всё это, не люблю я таких загадок. И долбить их в свете этого совсем не хочется.

Оба задумчиво рассматривали экран, на котором рядом висели два изображения – не идентичные, но очень похожие. Одно – корабля эскадры противостоящей империи, второе – их собственного корабля, стоящего сейчас в одном строю с их линкором, точнее, изображение «Вулкана». А если ещё точнее, то это было изображение их броненосца до модернизации, серьёзно изменившей его внешний вид, так сказать, только что сошедшего со стапелей.

Различия, конечно, были видны невооружённым глазом – корабль противника был заметно больше по размерам, массивнее. Добавились надстройки, орудийные башни имели несколько другую форму, однако при всём при том сходство было очевидным. Было ясно, что те, кто проектировал эти корабли, прошли одну и ту же конструкторскую школу, причём очень похоже, в одно и то же время.

Ковалёв быстро прошерстил базы данных. Так и есть – совпадение девяносто семь и сколько-то там после запятой процентов. Штурмовые броненосцы типа «Латник», последняя, можно сказать, переходная серия броненосцев, вершина их эволюции. Тогда только планировали начать строительство линейных кораблей нового типа, но опыта ещё не было, поэтому отдельные узлы оттачивали именно на этой серии кораблей предыдущего поколения. Получилось неплохо – этакая смесь мощной защиты монитора, зачастую превосходящей даже защиту более современных кораблей, артиллерийского вооружения линкора, правда урезанного количественно. И всё это – на базе проверенного временем корпуса броненосца, достаточно надёжного и притом дешёвого, идеально подходящего для испытаний подобных новинок, правда несколько увеличенного и усиленного для того, чтобы нести всю эту дополнительную массу брони и оружия и не развалиться при этом от увеличивающихся перегрузок. Так сказать, дешево и сердито.

На сей раз флотские генетики от железа смогли вполне удачно скрестить ежа и ужа. Конечно, гибрид родился не столь уж длинным и не настолько колючим, как хотелось бы, но всё же это был мощный и достаточно эффективный корабль. Орудий, правда, было маловато, да и дальность хода оставляла желать лучшего, но мощная броневая защита при наличии хороших силовых полей обеспечивала кораблям отменную живучесть, поэтому их не долго

думая выделили в отдельный подвид штурмовых броненосцев. Манёвренностью и скоростью они тоже не блистали – старая компоновка двигателей не вполне соответствовала увеличившейся массе, – однако для корабля, задачей которого является не торопясь подойти к укрепленной планете и так же не торопясь расковырять её оборону, подобные недостатки критичными не являются.

По сути, именно из концепции, апробированной на «Латниках», и на основе полученного при их строительстве опыта впоследствии выросли и современные линкоры, и современные мониторы. А ещё «Латники» благодаря своей невероятной, можно сказать, легендарной живучести в бою были весьма опасными противниками.

Ковалёв послал запрос в информаторий. Ответ пришёл незамедлительно: из восьми построенных броненосцев этого типа к моменту развала империи уцелело всего два – один стоял в консервации где-то в этом районе, второй – прошёл модернизацию, в ходе которой ему поменяли двигатели и обновили вооружение, и был приписан к одной из вспомогательных эскадр на другом конце империи. Остальные корабли или погибли в боях, или были списаны в металлолом и упокоились на корабельных кладбищах после серьёзных повреждений. В любом случае стоило лишний раз подумать, прежде чем лезть в драку. Ковалёв отдал приказ на отход...

Два часа спустя на борту флагмана проводилось совещание по поводу дальнейших действий. Собрались, что называется, в узком кругу – сам Ковалёв, Шурманов, Сотников, а также командиры кораблей. Сидели, пили кто чай, кто кофе, а кто и чего покрепче, думали и обсуждали ситуацию, благо времени было предостаточно.

– Считаю, надо атаковать, – горячился командир монитора. – Смять их – и делу конец. «Латники» там или не «Латники», но любой из наших кораблей сильнее любых двух из них. Справимся.

– Молчи уж, – буркнул в ответ командир «Инквизитора», высокий крепкий мужик по фамилии Белоглазов. – Тебе в атаку идти не надо, будешь издали постреливать, а по нам эти дуры отработают, считай, в упор. И не факт, что не достанут, скорее наоборот.

– Спокойно, Юра, не кипятись, – одёрнул его Шурманов. – Вон, обидел человека ни за что...

Действительно, капитан монитора, поняв, что его фактически обвинили в трусости, надулся и покраснел. Вольно или невольно Белоглазов оскорбил человека – впрочем, несдержанность на язык в прошлом не раз ломала ему карьеру, поэтому ничего неожиданного в ситуации не было.

– Хорош шипеть, горячие финские парни, – фыркнул Ковалёв. – Не о том думаете.

– Извини, Валер, – глухо откликнулся Белоглазов, не поднимая глаз. – Не хотел.

– Ладно, переживу. – Капитан монитора тоже понимал, что Юрий ляпнул не подумавши, и не собирался раздувать скандал. – Так о чём мы думать-то должны?

– О том, с чем мы столкнулись. Перед нами четвёрка броненосцев, похоже, старой имперской постройки. Один удалось точно идентифицировать, мелкие отличия – это, скорее всего, результат ремонтов в походных условиях. Хотя, возможно, всё дело в том, что каждый корабль незначительно отличался от прототипа – при строительстве проект несколько раз слегка видоизменялся.

– И что с того?

– А то, что три остальных корабля также идентифицируются как броненосцы этого же типа. Степень идентичности – восемьдесят девять, восемьдесят и пятьдесят пять процентов. Откуда?

– Что откуда?

– Откуда они взялись? Их было всего два, причём один далеко, да и после модернизации выглядеть он должен был совсем иначе. Ну, один, тот, что увереннее всех идентифици-

руется, скорее всего, как раз корабль, стоявший в консервации. Я, кстати, так и не нашёл, где находился пункт консервации... Да и пёс с ним, не важно. Но откуда взялись остальные? Вы понимаете, их просто не должно быть в природе! Ну нету их, нету, но они есть. А раз они есть – на что ещё мы можем здесь наткнуться?

– Я бы обратил внимание ещё вот на какой момент, – вмешался Сотников, до того колдовавший с компьютером. – Взгляните...

Над столом засветились голографические изображения всех четырёх вражеских кораблей. Изображения медленно вращались, позволяя рассмотреть их во всех подробностях. Сотников взял карандаш, машинально проверил пальцем его остроту и подошёл к голограмме:

– Вот тот корабль, который мы идентифицировали первым. – Острый кончик карандаша упёрся в изображение. – Как видите, ничего особенного, банальная конструкция в стиле имперских кораблестроительной традиции двухсотлетней... Ну, сейчас уже больше, но я считаю от распада империи, так проще... Так вот, в стиле двухсотлетней давности. Эти два, – карандаш сдвинулся на соседние изображения, – тоже весьма его напоминают. Разница, – карандаш мягко обвёл изображения, задержавшись на интересных, с точки зрения Сергея, точках, – вот здесь, здесь, здесь... Башни другой формы, изменилось их количество, похоже, на этих кораблях установлены более мощные орудия... Интересно, как их смогли сюда впихнуть? Впрочем, не важно. Далее – иная форма ходовой и боевой рубок, иные радарные системы, это невооружённым глазом видно, и ещё более пятидесяти незначительных отличий в первом и около ста во втором случае. Но это не очень важно, поскольку все эти нюансы отлично вписываются и в имперские кораблестроительные традиции, и в концепцию такого корабля. Конечно, явный нестандарт, но притом ничего особенного – подобные переделки можно провести на любом корабле этого типа, используя самый обычный док, даже не такой навороченный, как наш. А теперь обратите внимание на последний броненосец.

Собравшиеся перевели взгляды на четвёртый корабль.

– И что в нём особенного? – спросил Шурманов с неподдельным интересом.

– А взгляните сюда. – Сотников вновь поколдовал над пультом, увеличив изображение корабля и убрав остальные. Потом рядом появился силуэт каплевидного крейсера противника. – Не находите ничего общего?

М-да, уел Серёга, всех уел. Если раньше это не бросалось в глаза, то теперь невооружённым глазом было видно явное сходство в дизайне носовой части. Если рядом с другими броненосцами этот корабль казался слегка странноватым, то сейчас было заметно, что это – странный гибрид имперского броненосца и неизвестного крейсера. Корма человеческая, нос – не пойми какой, и смотрелось все это довольно странно, но вместе с тем весьма органично.

Ковалёв подошёл поближе, с интересом посмотрел на получившийся результат:

– Что думаешь, Сергей?

– А ничего я не думаю. Аналогов этих крейсеров в нашем информационном центре, сам знаешь, нет. Откуда взялись лишние броненосцы – тоже неясно, построить их здесь вряд ли могли – орбитальные верфи Синицын не обнаружил, да и мы тоже... Хотя, если вдуматься, найти космическую станцию, если её расположили где-нибудь на отшибе, довольно сложно, а мы, честно говоря, всерьёз пока и не искали. А что уж там дальше делать, сами думайте – вы начальники, у вас головы большие...

Ковалёв задумчиво кивнул. Его товарищи начали активный мозговой штурм, но толку от него не предвиделось – слишком все были повернуты на силовом решении. Но всё же проговорили почти полчаса, правда, без всякого результата. Наконец адмирал, которому надоело бесконечно переливать из пустого в порожнее, хлопнул ладонью по столу:

– Ша, орлы, хватит ерундой заниматься. Сделаем просто: я возьму истребитель и войду в систему. Один, – отрезал он, видя, что Шурманов приподнялся, собираясь что-то то ли воз-

разить, то ли предложить. – Попробую вступить с ними в переговоры. Получится – хорошо, нет – мы ничего не теряем, истребитель – мишень сложная, маленькая и скоростная, так что уйти я всегда успею. Если же переговоры начнутся, то через час после контакта дайте предупредительный выстрел. Помните, как у капитана Блада?¹¹ Вот так же примерно. Ну, а если через полчаса я не вылечу, начинайте разносить там всё, огневой мощи у вас достаточно. И без обсуждений, это – приказ. Я, если что, и так зажился на этом свете...

– Может, вначале попробуем с ними связаться?

– Пробуем, уже который день пробуем. Бесполезно – игнорируют, гады. Так что пошлём предупреждение об отправке парламентаря – и вперёд!

Примерно два часа спустя линкоры вновь вошли в систему. Противник, как и в прошлый раз, выдвинулся навстречу, но на сей раз имперцы не стали совершать никаких манёвров – просто сбросили ход, и от флагманского линкора отделился истребитель. Пятью минутами позже он пристыковался к борту ближайшего броненосца. Ему не препятствовали, а стыковочный узел оказался вполне стандартным...

¹¹ «Хроники капитана Блада», рассказ «Холостой выстрел». Отправляясь на рискованные переговоры, капитан Блад якобы отдаёт приказ ровно через час отсалютовать холостым выстрелом, чтобы напугать своих оппонентов – дальше, мол, начнут стрелять боевыми. На самом деле приказа такого артиллеристам не отдавалось.

Глава 7

Это было давно...

Это было ещё в те далекие, полулегендарные времена, когда существовала империя, могучее государство, охватывающее неисчислимое множество миров. Когда люди владели немалой частью галактики и когда были мир и процветание. Именно это осталось в человеческой памяти...

Империя проводила космическую экспансию – так было всегда, хотя не всегда это было необходимо. Но так уж устроен человек, что ему нужно двигаться вперёд, развиваться, а самый простой видимый путь – это захват новых территорий. Нести свой штандарт, распространяя влияние на всё новые и новые миры, – как это понятно людям, и скептики, утверждающие, что это сейчас невыгодно, всегда остаются в меньшинстве, даже если они приведут гору цифр в подтверждение своих слов и выводов. Их просто не будут слушать – простые решения людям всегда понятнее и ближе.

Бывают два вида экспансии. Один из них – огнём и мечом захватывать новые территории, но империя почти всегда шла по другому, менее затратному и более быстрому пути, применяя оружие лишь изредка. Не всегда, конечно, оправданно, люди – раса воинственная, однако чаще экспансия проходила всё же мирным путём. Корабли, везущие переселенцев, занимали пустые, не заселённые разумными расами миры и спокойно обустроивались на них. Получалось, конечно, не всегда – иной раз флора и фауна вкупе с бактериями всех сортов оказывались страшнее любого иномирянина с бластером наперевес, но в большинстве случаев люди побеждали, пусть не с первой, но со второй, а то и с третьей попытки подминая под себя непокорную планету. Люди – раса упорная, и потому частенько планета, которой предстояло стать очередной колонией человечества, не стоила затраченных усилий, но остановить стальную поступь империи не могло ничто. Монстры ползающие, бегающие, прыгающие, летающие и ещё хрен поймёшь какие рано или поздно расстреливались из лучемётов, а когда пасовали лучемёты, на помощь приходило оружие помощнее. Так, для того, чтобы вывести панцирных жевунов на одном из континентов планеты Ватеро-5, туда было срочно доставлено два десятка старых танков, что позволило решить проблему в приемлемые сроки. А на другую планету, испытывающую схожие проблемы с морскими хищниками, перебросили несколько субмарин, вооружённых торпедами... Агрессивные растения уничтожались гербицидами, против бактерий и вирусов применяли биоблокаду. Словом, люди могли и умели как создавать себе трудности, так и с честью выходить из сложных ситуаций. А ведь планет, которые представляли для человечества реальную проблему, было не так и много. Чаще всё решалось быстрее, проще и с куда меньшими жертвами – космос велик, в нём есть из чего выбирать, а разведчики успели обшарить куда большее пространство, чем было необходимо их виду для жизни. Люди – раса любопытная...

Эта система не отличалась ничем особенным, кроме разве что наличия сразу двух пригодных для жизни планет. Внутренняя – та, что была ближе к местному солнцу, получала достаточно тепла и света, могла похвастаться двумя приличными материками, целой кучей островов и весьма развитой жизнью на уровне гигантских ящеров. Разведчики, первыми посетившие её, рассказали, что такой вот добродушный индивидуум, совершенно не испугавшись грохота и рёва, который издавала та старая жестянка, что в разведке принято называть посадочным ботом, почти сразу же после посадки подошёл к ним. Обнюхал, фыркнул, попытался откусить стабилизатор, сломал два зуба и, обидевшись, одним ударом хвоста снёс антенну дальней связи. Пришлось потом на орбите едва ли не на пальцах через иллюминаторы объяснять, что они собираются делать и как будут пристыковываться... Всё это байки, конечно, на которые разведчики никогда не скупятся, но суть осталась понятной – на этой

планете не было разумной жизни и была пригодная для дыхания атмосфера, поэтому колонизация её была вполне возможна.

Вторая планета оказалась ничуть не хуже, хотя и более мрачной на вид. Практически всю её закрывал толстый облачный слой, создающий парниковый эффект, в результате чего температура на поверхности планеты была весьма и весьма комфортна. Правда, отсутствие у планеты спутников и, соответственно, слабость приливо-отливных сил весьма замедлили развитие на ней жизни, и хотя моря планеты прямо кишели всевозможной и не всегда безобидной гадостью, но на суше присутствовали лишь растения, подчас весьма причудливых форм и расцветок. Пригодная для дыхания атмосфера и огромные залежи металлических руд – что ещё надо? Бери и пользуйся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.